

попaдaнец

Алекс Шу

ПОСЛЕДНИЙ
СОЛДАТ

Попаданец (АСТ)

Алекс Шу

Последний солдат

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Шу А.

Последний солдат / А. Шу — «Издательство АСТ»,
2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-145108-0

Он погибает при штурме Белого дома и после смерти неожиданно оказывается в 1978 году в своем детском теле. Алексей может наслаждаться вторым шансом на новую жизнь. Вокруг него любимые молодые родители и друзья-одноклассники. Но он принимает решение: спасти страну от грядущего развала, а людей – от связанных с этим потрясений. И Шелестов начинает действовать...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145108-0

© Шу А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Алекс Шу

Последний солдат

© Алекс Шу, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Пролог

27 декабря 1991 года. Приволжско-Уральский военный округ. Штаб полка

– Ну и куда ты собрался? – полковник, насупившись, сверлил меня тяжелым взглядом. – Ты думаешь, я тебя отпущу? Ошибаешься. Шаркунов паркетных у меня хватает, а вот каждый боевой офицер на вес золота. Ты нужен армии и стране. Понимаешь?

– Так точно, – сухо отвечаю начальству. Мое лицо полностью невозмутимо.

– Да расслабься ты, вольно, – досадливо машет рукой начальник. – Вот скажи мне, Шелестов, что за дурь тебе в башку стукнула? Ты же из семьи военных, у тебя и дед и отец служили всю жизнь, а ты вот уходить из армии собрался.

– Вам честно ответить? – уточняю я. Мои кулаки непроизвольно сжимаются, лицо камееет.

– Говори, как есть, – устало бросает полковник, – мог бы и не спрашивать, сколько лет друг друга знаем...

– И отец, и дед служили Союзу. Они защищали эту страну и присягали ей. Я тоже клялся «защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни». Это обещание я не сдержал. Неважно, по каким причинам. СССР больше нет. Мне нечего защищать. СНГ, – выплевываю это слово, – я присяги не давал. Считаю, что после этого я не имею права носить погоны. Офицер дает присягу один раз, и если она нарушена, никакого морального права продолжать службу не имеет.

– Ты на что это намекаешь? Может, мне тоже из армии уйти? Что-то ты много себе позволяешь, капитан. – Лицо полковника наливается кровью.

– Я вам высказал свои мысли. Честно, как договорились. Не считаю возможным дальше продолжать службу, – отвечаю бесстрастно. Стиснутые кулаки нехотя разжимаются.

– Ладно, – полковник обессиленно откидывается на спинку кресла, – подавай рапорт, я подпишу.

4 октября 1993 года. Белый дом. Москва

Удушливый черный дым разъедает легкие и режет глаза. Под ногами хрустят осколки стекла, обломки мебели и кусочки кирпичей. Горят обстрелянные танками этажи Верховного Совета. Я стою, прижавшись к стене и держа в согнутой руке «стечкин».

– Алексей, сейчас сюда зайдет «Альфа», положат всех. Нужно сдаваться, мы проиграли, сопротивляться дальше бессмысленно, надо сохранить людей живыми, – дергает меня за плечо Рудаков. Лицо бывшего майора черно от дыма и лоснится потом.

– Сдавайся, – равнодушно пожимаю плечами, – я останусь здесь.

– Это никому не нужный героизм, – продолжает настаивать активист «Союза советских офицеров», – пока мы живы, есть надежда.

Раздается грохот взрыва этажом выше. Здание содрогается. На наши головы сыплется штукатурка. Мы непроизвольно пригибаемся. Стряхнув с лица белую пыль, поворачиваюсь к Рудакову.

– Не обманывай себя, – пристально смотрю в глаза товарищу, – у нас был шанс. Мы его упустили. Мы просрали страну. Сидеть в тюрьме я не буду. Пошли они все...

– Ладно, – тяжелая рука майора вкладывает мне в ладонь второй «стечкин», – возьми, он тебе понадобится. Прощай, брат.

Рудаков на мгновение притискивает меня к себе и, смутившись, резко отталкивает. Он дает знак двоим оставшимся в живых бойцам, находившимся сзади, и вся тройка, перебегая от стены к стене, двигается к выходу.

Я переставляю переводчики-предохранители пистолетов на автоматический огонь, медленно иду по коридору, вытянув руки. Прохожу мимо одной из комнат и останавливаюсь. В помещении, раскинув руки, лежит молодая девушка. На фоне искореженного осколками тела ее бледное лицо выглядит нетронутым.

Русые волосы потемнели и слиплись от расплывшейся под ней лужи крови. Мертвые глаза на восковом лице уставились в потолок. Только рука еще сжимает разорванное в нескольких местах красное знамя.

Пару минут назад на моих глазах этажом выше пуля снайпера убила старика. Он пришел «защищать» Белый дом на костылях. На потертом сером пиджаке, вместе с рядом наград, блестя медаль «За отвагу» и орден Красного Знамени. Уходить старик отказался. Сказал, его место здесь, в здании Верховного Совета. Деда положили, когда он подошел к окну, где толпились возбужденные московские зеваки, глазающие, как из танков расстреливают их соотечественников, защищавших законный парламент и социалистическую конституцию РФ. Старик начал им что-то кричать о совести и стыде, призывать армию не стрелять в свой народ. Через несколько секунд ему в лоб всадили пулю. Деда откинуло назад, костыли разлетелись в стороны. Осталась только жирная кровавая клякса на стенке. Сволочи... Народная армия называется. Фашисты не смогли, так свои добились. Будьте вы прокляты, иуды.

Я отвлекаюсь от невеселых мыслей, кладу пистолеты на пол. Аккуратно вытягиваю флаг из маленькой ладошки и накрываю им убитую девушку. Нереальность происходящего сжимает мозг. Кажется, что это дурной сон, который сейчас закончится. На мгновение закрываю глаза. Жалость к убитым душит горло спазмом. Секундная слабость проходит. Медленно подбираю «стечкины» и встаю. Чувствую полную опустошенность и невероятную усталость. Кажется, пистолеты весят невероятно много. Усилием воли заставляю себя собраться. «Стечкин» в левой ладони отправляется за пояс. Извлекаю из кармана яйцеобразную РГД-5. Разгибаю усики. Выдергиваю чеку. Левая рука надежно фиксирует рычаг прижатым к темно-зеленому корпусу. Пока я его не отпущу, граната не взорвется. Живым я сдаваться точно не собираюсь.

Выхожу на лестницу. Гремят взрывы. Трещат автоматные очереди. Спускаюсь вниз. Мимо меня вверх по лестнице пробегает группа мужчин. Один из них, в милицейском кителе и с окровавленной повязкой на голове, хватает меня за рукав и кричит:

– Куда? Нижние этажи уже штурмуют! Скоро они будут здесь! Давай наверх.

Освобождаюсь рывком и молча продолжаю движение. Захожу на нижний этаж. Весь коридор в клочьях каких-то бумаг. В комнатах попадаются трупы. Пара помещений чадят черным дымом, кое-где видны языки пламени. Всюду обрывки одежды и окровавленные куски человеческих тел. Афган все-таки меня хорошо закалил, первый шок прошел, и сейчас я наблюдаю за этим, как со стороны, отстраненно и холодно. Все эмоции заморозились и застыли где-то в глубине моего мозга.

Краем глаза улавливаю какое-то движение в проеме. Время замедляется, и я отчетливо вижу, как в коридор, тускло блестя ребристыми боками, влетает Ф-1. Это кажется невероятным, но за долю секунды я успеваю рассмотреть даже миниатюрную царапину на одной из граней. Натренированное тело реагирует само. Прыгаю «рыбкой» под укрытие несущей стены одного из помещений. В замкнутом пространстве взрыв этой гранаты – верная смерть. В помещениях до тридцати квадратных метров не остается ни одного «живого» места, все окружающее пространство иссекается осколками. Радиус поражения до двухсот метров. Количество осколков – до трехсот. И это еще не считая мощное фугасное действие «эфки», которое может вызвать контузию. К счастью, до меня и стены, за которой я спрятался, она не долетела пару метров, упав в коридоре.

Взрыв сотрясает пространство. Прижавшись к стене, переживаю секунду. Стандартная схема зачистки помещений от противника. Сначала бросается граната. Потом заходят вооруженные бойцы и добивают тех, кто выжил после ее взрыва.

Посмотрим еще, кто кого «зачистит». Отпускаю рычаг РГДшки. Пружина разворачивает и отбрасывает его. Освобожденный ударник протыкает капсюль. Отсчитываю две секунды и отправляю гранату по направлению к проему входа. Там уже появились две фигуры в темно-зеленом камуфляже и бронированных шлемах PSH-77 TIG. Увидев мой бросок, они реагируют моментально. «Калашниковы» в руках спецназовцев кашляют злыми сухими очередями. Но я уже под укрытием стены. Уйти от гранаты «чистильщики» не успевают. Она взрывается у них в ногах. В следующее мгновение я выкатываюсь из помещения, стреляя сразу из двух пистолетов. В бронежилет лупить очередями из «стечкиных» бессмысленно, в каску из титана – тоже. Мощное забрало TIG, оснащенное узким просветом бронированного стекла, похоже на рыцарское. Оно отлично закрывает лицо. Но остается незащищенной узкая полоска шеи.

Именно туда я и целю, добивая покалеченных бойцов с изорванными осколками ногами. Минус два. Один спецназовец лежит неподвижно, второй дергается в судорогах, стараясь прикрыть рукой бьющий из шеи ярко-алый фонтанчик крови. Точно задета сонная артерия. Ему осталось жить считанные секунды. Это вам не безоружных расстреливать. Я умею воевать. Два с половиной года командовал разведвзводом в Афгане, лично водил ДРГ в рейды. Моджахеды даже за мою голову награду назначили. Двести тысяч долларов. Но она осталась при мне.

Подхватываю на плечо автомат. Снимаю с одного трупа подсумок с запасными магазинами. К счастью, их осколки не повредили. Бронежилеты не трогаю. Они сильно ограничивают подвижность, и усталость наступает быстрее. А мне нужно перемещаться резво и, возможно, долго, хотя разумом понимаю, что шансов выжить и отбиться нет.

Шум канонады нарастает. Похоже, штурм Белого дома вступает в завершающую стадию. Перебежками ухожу к черному входу. Под ногами мелькают ступеньки лестничного пролета. Через минуту я уже нахожусь на другом этаже. Забегаю в одно из помещений. Аккуратно выглядываю в окно. Прямо перед Верховным Советом стоят Т-72 и 80, несколько БМП и БТР. Из танковых дул и пулеметов вылетает смерть, разнося оконные проемы вдребезги. Вижу, как из Т-72 открывается люк и появляется голова в шлемофоне. Танкист улыбается и позирует зевакам с фотоаппаратами. Стараясь не особо высовываться из проема, быстро прицеливаюсь и спускаю курок. Голова танкиста дергается, и он заваливается на башню. Сразу же ухожу в сторону под прикрытие стены. На окно обрушивается шквал пуль. Пригнувшись, покидаю помещение. На выходе из этажа сталкиваюсь с очередной группой защитников Белого дома. Они, держа раненых под руки, перемещаются на верхние этажи. Подхватываю пожилую женщину с перебинтованной ногой, пытая от натуги, тащу ее наверх. Этажом выше ее перехватывают у меня два человека в белых халатах. Игнорируя очередные призывы идти наверх, опять спускаюсь на нижние этажи. На лестничной клетке вижу мелькающие фигуры в камуфляже. Судя по экипировке, это штурмовики элитных спецподразделений, возможно даже «Вымпела» или «Альфы». «Калашников» дергается в моих руках, злобно выплевывая патроны. Движение

бойцов прекращается. Раздаются ответные очереди. Отступаю вверх и заскакиваю на этаж. Сталкиваюсь в проеме еще с одним штурмовиком. Стреляем мы одновременно. Нас отбрасывает в разные стороны. Боли не ощущаю, но чувствую неприятный холод в груди. Трогаю ее рукой и вижу, как ладонь окрашивается в красный цвет. Рубиновые капли стекают с пальцев.

Штурмовики уже недалеко от меня. В коридоре стонет и ворочается столкнувшийся со мной боец. Мощный бронезилет 4-го класса выдержал очередь «калашникова» 5.45 в упор. Но внутренности все равно превратились в кровавую кашу. Долго штурмовик не протянет, а если и выживет, останется инвалидом.

Все это мелькает в моей голове за какую-то долю секунды. Уже в полубессознательном состоянии, уплывая «за горизонт», отстраненно замечаю, как один из вбежавших на лестничную клетку бойцов поднимает забрало каски. Вижу перекошенное ненавистью лицо.

– Сдохни, сука, – с ненавистью цедит он и опускает автомат. Звучит сухая очередь. Напоследок от души пнув меня ногой, «спецназовец» убегает за своими товарищами в коридор.

Проваливаюсь в забытье, руки и ноги немеют, свет медленно гаснет в глазах. В последний миг возникает родное лицо мамы. Ее глаза смотрят на меня с укоризной, а губы шепчут «Алеша». Я хочу ответить, но проваливаюсь во тьму.

* * *

8 сентября 1978 года. Пятница

– Алеша, вставай. Хватит спать! В школу опоздаешь, – раздается сердитый мамин голос. Я медленно открываю глаза. Секунду смотрю на подлокотник потертого старого дивана, белый потолок комнаты, советские обои с золотистыми узорами и подсакиваю как ударенный током.

«Что это, черт подери, такое? Предсмертные галлюцинации? Как я мог оказаться в своей квартире из детства? Дьявольщина какая-то», – судорожно мечутся в голове панические мысли.

– Леша, сколько можно валяться? – в комнату заглядывает статная женщина лет тридцати пяти. С ужасом узнаю в ней свою маму, скинувшую лет пятнадцать. Жадно смотрю на родные черты лица. Русые длинные волосы, забранные в хвост, белозубая улыбка, маленький задорно вздернутый носик, яркие синие глаза. Папа рассказывал, что в молодости у нее отбоя от женихов не было, а выбрала его и уехала с молодым лейтенантом в далекий сибирский гарнизон.

«Мамуль, какая же ты у меня красивая и совсем молодая», – думаю я. Глаза непроизвольно увлажняются, к горлу подступает большой ком.

– Лешенька, с тобой все в порядке? – встревоженно спрашивает мама, моментально уловив мое состояние.

– Конечно, мам, – автоматически отвечаю я.

– Тогда иди умываться и чистить зубы. Времени совсем нет, в школу опоздаешь.

– Хорошо, – покорно соглашаюсь я и бреду в ванную. В зеркале вместо моего крепкого тренированного тела, рельефных сухих мышц, перевитых тугими узорами жил, отражается худосочная фигура подростка с тонкими руками-веточками и только начинающей прорисовываться мускулатурой. Детское лицо с зачатками растительности над верхней губой недоуменно смотрит на свое отражение.

«Обалдеть», – в изумлении трясую головой. Всматриваюсь в зеркало. Те же внимательные голубые глаза, русая челка, высокий лоб, тонкий нос с едва заметной горбинкой. Да, это я. Но только лет моему двойнику, отражающемуся в зеркале, не больше пятнадцати-шестнадцати.

Страхиваю наваждение, быстро чищу зубы, старательно елозя по ним своей «детской» зубной щеткой, и, ополоснув лицо, иду на кухню.

Холодильник «Зил», купленный отцом после командировки в Анголу, притулившийся сбоку раскладной чешский стол, сияющий белизной кухонный гарнитур и советская плитка с голубыми цветочками усиливают ощущение нереальности происходящего. В этой квартире я провел несколько лет, до своего выпуска из школы.

– Леш, чего на пороге застыл? – раздается опять мамин голос. – Странный ты сегодня какой-то. Проходи, садись. Я тебе уже завтрак положила.

Присаживаюсь на табуретку, аромат котлеты по-киевски и горячая картошка пюре вызывают зверский аппетит.

Начинаю ожесточенно работать вилкой. Кусочки котлеты и картошка с энтузиазмом перемалываются мною. Ммм, как вкусно. Домашняя советская еда из натуральных продуктов. Как же я по ней соскучился. Еще и мама рядом, молодая, красивая, сидит сбоку и смотрит на меня, задумчиво подперев ладошкой щеку. От нахлынувших чувств опускаю вилку и набираю в грудь воздух.

– Леш, ну что с тобой опять? – голубые мамины глаза озабоченно смотрят на меня. – Ты сегодня какой-то не такой. Может, тебе нездоровится?

Я с шумом выдыхаю, сдерживая себя.

– Нет, мамуль, все в порядке, – после небольшой паузы отвечаю немного хриплым от волнения голосом, – просто я тебя люблю, очень-очень.

– Я тебя тоже люблю, Лешенька. – У мамы влажнеют глаза. Она встает и прижимает меня к груди. Я чувствую на своей голове нежные материнские руки и тихо млею.

– Ладно, иди, собирайся в школу, понежничали и хватит, – мама шуточно отталкивает меня и отворачивается, вытирая ладошкой глаза.

Я деликатно делаю вид, что ничего не замечаю, и шагаю в свою комнату. На «моей» полочке в шкафу стоят учебники за 10-й класс. Так, по крайней мере, понятно, что я доучиваюсь последний год. Открываю дневник, с интересом рассматриваю расписание. Алгебра, русский, физика, НВП, химия, история – господи, как давно это было, и вот сейчас опять топать в школу, в свой 10-А. Меня просто распирает от нахлынувших чувств. Это невероятно! Хочется прыгать от переполняющей душу радости и танцевать лезгинку.

Черт, а какой сегодня день недели? Какие учебники собирать в лежащую у стенки сумку?

– Мам, а что у нас сегодня? А то я уже в днях недели запутался, – взываю к родительнице.

– Сына, сегодня пятница. Что-то сегодня все-таки с тобой не то, – появившаяся на пороге мама шуточно грозит мне пальцем. – Склероз в шестнадцать лет? Рановато.

Собираю сумку. Достая плечики с выглаженной школьной формой. Спустя пару минут я уже одет. Темно-синий пиджак сидит на мне относительно свободно, только рукава смешно топорщатся на локтях и значок «ВЛКСМ» задорно поблескивает на лацкане.

«Настоящий комсомолец», – ирония просто переполняет меня. Еще ощущаю себя 31-летним мужиком, по недоразумению попавшим в детский сад. В прихожей обуваю туфли, хватаю с тумбочки ключи и прощаюсь с мамой. Выхожу на улицу, и мое настроение поднимается. Снова здравствуй, родной Новоникольск. Здесь, в тихом подмосковном райцентре я прожил с родителями несколько счастливых лет, пока не закончил школу.

Знакомые с детства силуэты домов, простые и открытые лица людей, спешащих на работу, приветливое солнце, игриво стреляющее теплыми лучиками мне в лицо, деревья с уже распустившимися листьями, наполненными сочной зеленью, – ощущение счастья теплой волной окатывает мою душу.

Останавливаюсь и задумчиво смотрю на залитое синевой небо с неторопливо проплывающими белоснежными облаками.

«Я снова в СССР. Никаких конфликтов, путчей, безработицы, инфляции, войны в Приднестровье, горящего Белого дома, трупов. Я молод, и со мной мои родители. Спасибо, Господи, или кто там, что дал мне второй шанс. Клянусь, я использую его лучше, чем в прошлый раз».

– Лешка, ты чего встал? – увесистый предмет хлопает меня по спине.

Разворачиваюсь. Вижу россыпь веснушек, которую природа щедрой рукой бросила на лицо Паши Амосова. Одноклассник, улыбаясь и покачивая на плече портфелем, смотрит на меня.

Не удерживаюсь и от избытка чувств отпускаю ему сочный щелчок по большому лбу.

– За что? – бурчит Паша, потирая голову.

– В следующий раз не будешь портфелем по чужим спинам бить, – наставительно объясняю товарищу.

Мы идем в школу. Паша что-то рассказывает мне о Малышевой из «десятого Б», закатившей истерику из-за четверки по самостоятельной, о нашей классной, обещавшей свозить желающих на осенние каникулы в Тбилиси, трудовике, за шиворот выкинувшем из класса Бизона – известного хулигана из 9-Б. Слушаю его вполуха.

Вместе доходим до школы. У ворот уже бурлит поток гомонящей детворы. Толкаясь в переполненной раздевалке, освобождаемся от туфель и натягиваем на ноги сменную обувь.

Первый урок у нас история. Поднимаемся по широкой лестнице на второй этаж и останавливаемся перед приоткрытой дверью с большой табличкой. На ней крупными черными буквами выведено «Кабинет истории». Из класса доносится веселый смех, шум и крики.

– Чего застыл? Пошли, – Паша решительно проходит в класс.

Следую за ним. Разглядываю своих одноклассников. В компании девочек заразительно хохочет, демонстрируя красивые белые зубки, смуглая Инга Писарская. Сосредоточенно зубрит параграф в учебнике, шевеля губами, Наташа Бойко. Что-то рассказывает, цедя слова сквозь зубы, угодливо хихикающим Полякову и Лесенко Антон Недельский – любитель блатной романтики, чудом оказавшийся после 8-го класса не в ПТУ, а в школе.

Раздается пронзительная трель звонка. Одноклассники не торопясь рассаживаются по местам. Присаживаюсь на предпоследнюю парту, рядом с Аней Николаенко. Девочка бросает на меня удивленный взгляд из-под длинных ресниц. Видимо, не туда сел. Ну и плевать. Замечаю пару любопытных взглядов одноклассников, переглядывание и хихиканье девочек. Показательно их игнорирую.

В класс заходит «историчка» Вера Ивановна. Класс дружно встает, приветствуя учителя.

– Садитесь, – командует Вера, и мы послушно плюхаемся задницами на стулья. Историчку мы уважаем. Полная женщина лет пятидесяти, всегда серьезная и сосредоточенная. Свой предмет она обожает и искренне старается привить любовь к нему ученикам.

– Открываем третий параграф, – раздается в тишине голос учительницы.

Я раскрываю «Историю СССР. 10 класс», нахожу указанное место и читаю:

«Расширение братской семьи советских республик. С победой социализма в нашей стране был успешно решен национальный вопрос. Преодолена экономическая отсталость национальных республик, обеспечено фактическое равенство всех народов, населяющих Советский Союз, в политическом, экономическом и культурном отношении. Укрепилось социалистическое братство и единство всех народов Советского Союза».

И тут меня накрывает. Вспышка в мозгу подобна ослепляющему взрыву. Поток хлынувшей на меня информации оглушает и ошеломляет. Пенсионеры, энергично копающиеся в мусорных ящиках. Изнеможенные лица беженцев, покидающих азиатские республики. Поток наркотиков, хлынувший из Афганистана. Вайнахи, деловито отрезающие головы живым русским солдатам. Бандиты, избивающие ногами непослушных коммерсантов. Взрывы в метро и разбросанные по подземному переходу куски окровавленного человеческого мяса. Захва-

ченный роддом в Буденновске и почти две сотни расстрелянных детей Беслана. Упыриное лицо Березовского с алчным блеском в глазах, дирижирующий оркестром пьяный Ельцин, сытые довольные рожи олигархов, за бесценок приватизировавших советскую промышленность, пронзительные взгляды маленьких голодных попрошаек – я нахожусь в состоянии «гrogги», как после тяжелого нокдауна. Это непостижимо и невероятно, но я вижу и знаю, что произойдет в ближайшие два десятка лет после распада Союза.

Чувствую, что шок от обрушившейся на меня информации может привести к потере сознания. Меня мутит. Кровавая капля летит из носа, расплываясь на учебнике уродливой бесформенной кляксой.

– Шелестов, тебе плохо? – краем сознания замечаю встревоженный взгляд исторички. – Немедленно к врачу. Амосов, проводи его до медкабинета.

Под сочувствующими взглядами одноклассников, поддерживаемый Пашей за руку, медленно выхожу из класса. Амосов судорожно вцепился в мой локоть. Бойтся, наверно, что грохнусь в обморок. Раздается негромкий хлопок закрывающейся за нами двери. В оглушительной тишине он звучит как выстрел и заставляет меня вздрогнуть.

«Совсем нервы ни к черту стали», – констатирую факт. Последние события в Белом доме, моя смерть и этот перенос в детство все-таки немного выбили меня из колеи.

– Да отпусти ты меня, – злобно выдергиваю свой локоть из Пашкиной ладошки, – сам дойду, не калека.

Бодро шагаю в медкабинет. Слава богу, помню еще, где он находится. Чуть сзади плетется Паша.

Через пару минут, после небольшого осмотра, я уже лежу в медицинском школьном кабинете с градусником под мышкой. Здесь все стерильно и сверкает белизной. Моя тушка вольготно развалилась на накрахмаленной простыне, наброшенной на белоснежный топчан, удобно устроилась на подушке, похожей на большой ком снега, глаза невольно устремлены на меловой потолок. Недалеко, в хрустящем новеньком халате ослепительно молочного цвета за коричневым столом (единственный предмет мебели другой расцветки, слава богу) сидит и что-то сосредоточенно пишет на листке полная женщина лет тридцати пяти. Это Зинаида Павловна – наша школьная медсестра. Она откладывает ручку и прикладывает к поверхности бумаги печать.

Заметив мой взгляд, она поворачивается ко мне.

– Ну что, Шелестов, как самочувствие? – интересуется медсестра.

– Нормально, – отвечаю я. Я действительно в порядке. От шока, вызванного неожиданным информационным ударом, оправился полностью. Но идти обратно на уроки я не хочу. После всего произошедшего нет желания сегодня сидеть за партой и отвечать на глупые вопросы одноклассников. Лучше домой пойду. Мне есть о чем поразмыслить. Поэтому страдальческая гримаса лица просто вопиет, что я нагло обманываю простодушную добрую женщину, и мне на самом деле ужасно плохо.

Медсестра берет у меня градусник и задумчиво его рассматривает. 36 и 6. Норма.

– Ладно, Алексей, – в глазах Зинаиды Павловны мне чудится огонек усмешки, – я тебя освобождаю от занятий на день. Можешь сказать классному руководителю, что я тебя отпустила. Полежи дома, восстановись. Но завтра чтобы был в школе как штык. Договорились?

– Договорились, – вздыхаю я.

– Вот и хорошо, – кивает медсестра, – всего доброго.

Она отворачивается, кладет градусник в картонный футляр и прячет его в ящик стола.

Я поднимаюсь, застегиваю рубашку, бормочу «до свидания» и шагаю обратно.

Когда захожу в кабинет, что-то вдохновенно рассказывающая Вера замолкает. Весь 10-А с любопытством таращится на меня. Это немного раздражает.

Информирую историчку, что меня отпустили с уроков. После утвердительного кивка иду к своей парте. Начинаю складывать учебник и тетрадки в сумку и ловлю на себе сочувствующий взгляд своей соседки по парте. Аня хочет что-то мне сказать, но не решается.

«А девчонка настоящая красавица», – мысленно отмечаю про себя. Тонкие черты лица, большие зеленые глаза, черные волосы цвета воронова крыла, в сочетании с белоснежной кожей производят потрясающее впечатление.

Через пару лет мужики будут падать к ее ногам штабелями. Да и сейчас девушка выглядит великолепно. Изящные руки с длинными пальчиками и стройная фигура с высокой грудью, обтянутой школьным фартуком, завершают соблазнительный образ.

Чувствую возбуждение. Проклятые подростковые гормоны! Чтобы спастись от наваждения, приходится срочно переключаться. Герой Челентано в «Укрощении строптивого» в таких случаях увлеченно рубил дрова. У меня поблизости топора и дров нет, поэтому быстро прогоняю в уме текст присяги, выученный наизусть. «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников». Фуххх, помогло. Все-таки подростковая гиперсексуальность в сочетании с сознанием взрослого мужика страшная вещь.

Уже выходя из класса, краем глаза фиксирую злорадную насмешку Недельского. Интересно, чего этот поклонник блатной романтики так перевозбудился?

До дома я дошел быстро. Ввалился в прихожую. Мама уже убежала на работу в свой НИИ.

На тумбочке лежит записка. «Сына, в холодильнике борщ, гречка и котлеты. Звонил Игорь Семенович. Просил сказать, что тренировка переносится на 18.00. Не забудь!» Забудешь тут, когда об этом постоянно напоминают.

Интересно, а где отец? Наверно, в очередной командировке. Я аккуратно ставлю сумку в коридоре, избавляюсь от школьной формы и с размаху плюхаюсь на жалобно скрипнувший диван.

«Итак, что мы имеем? Каким-то чудом, волею Божьей или с помощью других высших сил, я перенесся в свое же тело на пятнадцать лет назад. Теперь есть два варианта. Первый: построить свою жизнь по-другому, опять упиваясь молодостью и используя все представившиеся возможности. Второй: попытаться спасти Родину от развала, а людей от грядущих испытаний. Наслаждаться жизнью, зная о том, что готовит нам будущее, я просто не смогу. Буду чувствовать себя гнидой и предателем, зная о многих тысячах убитых в межнациональных конфликтах, изгнанных из своего дома, лишенных последних сбережений и умирающих в нищете ветеранах.

Но что я могу сделать один? Ничего. И вообще это смешно, шестнадцатилетний пацан против партийной мафии, пятнистого иуды и всех сил, уничтожающих СССР. Просто сюжет для американских комиксов. Бэтмен, Супермен и Леша Шелестов – три великих героя. Где мой черный костюм и супероружие? Ха, ха, ха – три раза. Бред какой-то.

Но сидеть и наблюдать, как уничтожают Родину, тоже не выход. Значит, впрягаться все-таки придется. Что у меня есть? Мозги и знания 31-летнего мужика, навыки рукопашного боя и стрельбы, опыт боестолкновений с моджахедами в гористой местности, руководство разведгруппами, офицерская подготовка. Не так уж и мало. Получается, у меня имеется лет десять-двенадцать, чтобы разработать и реализовать план по спасению СССР. Вот от этого и будем отталкиваться».

Охваченный раздумьями, я сам не заметил, как задремал, а потом провалился в тяжелый беспокойный сон.

Из забытья меня вырывает пронзительная трель звонка. Умели их делать в СССР, ничего не скажешь. Такой визг и мертвого из могилы поднимет. Вскакиваю с дивана, обуваю тапки и

плетусь в прихожую. В глазке отражается серьезное лицо Вани Волкова и довольная мордаха Паши, выглядывающая из-за его широченных плеч. Щелкает поворачиваемый замок, и парни проходят в прихожую.

– Как ты, Лех? Нормально? – обеспокоенно спрашивает Амосов.

Молча киваю.

Лицо Паши разглаживается.

– Ну и отлично, – радуется он, – а мы проведать тебя пришли. Пожрать чего есть?

Ваня осуждающе смотрит на товарища, но Амосову все нипочем.

– Чего-то есть, – подтверждаю его предположения. Паха просто сияет. Вот обжора! В школьной столовой всегда двойные порции хомячит. И ведь не толстеет же. Как такая прорва еды в нем помещается?

Волков кипит от негодования, но вслух его не высказывает.

– Проходите на кухню, присаживайтесь, – театральным движением руки указываю им путь. Довольный Пашка скачет чуть ли не вприпрыжку. Следом за ним идет насупленный Волков.

– Чай будете? – спрашиваю, поворачиваясь к плите.

– Будем, будем, и не только чай, – энергично подтверждает Амосов. Сзади слышится глухой стук затрешины и обиженный вой Пашки: – За что? Ты чего, Ванька, совсем сдурел?

– За дело, – отрезает Волков. Он паренек крепкий, имеет разряд по спортивной гребле, поэтому жертва агрессии предпочитает промолчать и обиженно надуться.

– Леш, чай мы поьем, а готовить ничего не надо, этот проглот перебеется, – слышится Ванин голос.

– Да я все равно есть собирался, – возражаю я, – сейчас чай поставлю, а потом что-то сообразу.

Паша опять веселеет. Нет, этого точно ничего не прошибет. Главное, чтобы было чем брюхо набить и побольше.

Ваня не спорит. Он вообще очень спокойный и уверенный в себе парень. Просто не любит проявлений наглости и навязчивости.

Я подношу горящую спичку к конфорке и поворачиваю ручку горелки. Вспыхивают синие огоньки. Беру чайник. Он полон еще с утра. Ставлю его на плиту. Потом начинаю копаться в холодильнике. Нахожу полбанки майонеза, несколько сосисок и котлет, кусок сыра граммов на триста, сливочное масло и яйца. Все это перемещаю на кухонную столешницу вместе с парой помидоров и пучком зелени, найденных в нижнем отсеке. Беру вчерашнюю, уже немного подсохшую, половинку батона. Нарезаю несколько ломтей. Вообще-то лучше бы разделить его на тонкие кусочки, но не получается, хлеб сильно крошится. Забираю со шкафа и споласкиваю чистую тарелку. Разбиваю над ней яйцо. Сыплю туда щепоть перца из перечницы на столе.

Паша жадно наблюдает за мной. Он явно в предвкушении гастрономического пира. Ваня сидит и думает о чем-то своем.

Включаю огонь и ставлю на него сковородку. Бросаю на нее толстый ломоть желтого сливочного масла, который сразу же начинает таять, растекаясь по поверхности пузырящимся озером.

Поочередно макаю в яйцо кусочки батона и выкладываю их на сковороду. Пока они там жарятся, строгою сыр ломтями, а потом измельчаю его быстрыми движениями ножа. Та же участь постигает сосиски, котлеты и зелень. Мою помидоры и рублю их аппетитные алые дольки с оставшимися на поверхности сверкающими капельками.

Переворачиваю прожарившиеся с одной стороны гренки. Кладу на каждую половину по чайной ложке майонеза и размазываю его по поверхности тонким слоем. Затем на хлебе появляются кусочки котлет и сосисок. Все это великолепие увенчивается ломтиками сыра и накры-

вается крышкой. Я такое часто готовил во время своей службы, когда не хотелось тратить время на что-то серьезное.

Смотрю на Пашу. У него явно началось обильное слюноотделение. Он периодически сглатывает, замороженно смотря на сковородку, как кролик на удава. Даже Ваня очнулся от своих дум и с интересом смотрит на мои манипуляции с едой.

Через три минуты открываю крышку. Вверх взлетает большой клуб пара. Сыр уже расплавился и потек, облекая кубики сосисок и котлет. Я, при помощи вилки, водружаю гренки на большую тарелку, украшаю их сочными ломтиками свежих помидоров и зеленью и торжественно подаю на стол своим товарищам.

Паша молниеносно выбрасывает руку, метя на самый большой бутерброд, но она на полпути перехватывается мощной лапой Волкова.

– Подожди немного, сейчас Леха чай нальет, и все вместе поедим, – поясняет Ваня, игнорируя обиженный взгляд Амосова.

И точно, вода уже кипит. Слава богу, что в нашем пузатом чайничке еще осталась заварка. Ставлю на стол сахарницу, три чашки с ложками и блюдцами. Разливаю заварку и воду.

Через минуту мы увлеченно хрустим гренками.

– Уосень усно, – чавкающий Пашка, с набитыми как у хомяка щеками, производит забавное впечатление.

Ваня тоже с увлечением смакует бутерброд, откусывая от него маленькие кусочки.

– Потрясающе, – констатирует он – Леш, ты где научился такое чудо готовить?

– Места знать надо, – гордо отвечаю ему.

Бутерброды быстро сметаются с тарелки. Амосов трудится за всех. Чтоб ты так работал, как лопаешь, дорогой товарищ.

Паша, отдуваясь, опрокидывается на спинку стула.

– Это что-то, – констатирует он, – в тебе погиб великий повар.

– Да я вообще гениален, – с энтузиазмом и небольшой ноткой легкого сарказма поддерживаю его, – вы просто этого не цените, серые бездарности.

– Не зазнавайся, – ощущаю чувствительный тычок в бок от Вани. Тяжелая все-таки рука у нашего разрядника.

– Не буду, – покорно соглашаюсь с ним.

Мы неторопливо пьем чай, дуя на кипятки и отхлебывая ароматный напиток.

– Тут вот какое дело, – вступает в разговор Ваня, – мы предупредить тебя пришли. Но сперва я тебя спросить хочу, ты зачем к Николаенко подсел?

– А что такое?

– Леша, я тебе удивляюсь, – в разговор вступает Пашка, – ты что, забыл, что Бык за ней бегает? Он публично заявил, что если кто-то из ребят к ней даже приблизится, голову оторвет. С ней за партой могут только девки сидеть. Если кто-то из парней попробует подсесть, Бычара из него омлет сделает.

– Бред какой-то, – озабоченно тру рукой лоб. Только появился здесь и уже в разборки влип.

Бык – это в любом случае серьезно. Я тренируюсь с малых лет. Всю жизнь мотались с папой по гарнизонам. В некоторых местах было скучно. Ни ровесников, ни развлечений. Но папа бездельничать мне не давал. Сам мною занимался и своих друзей-инструкторов просил. Боевое самбо, стрельба, полосы препятствий, подтягивание. Да, я выгляжу еще худосочным, но сила есть, и кое-что даже в детстве умел. И сегодня иду на тренировку к Семенычу. А сейчас я знаю и умею больше, чем тогда. И устойчивая психика взрослого матерого бойца тоже многое значит. Но Антон Быков... Это что-то невероятное. До восьмого класса он учился в параллельном классе. Еще тогда на любой школьной линейке он смотрелся с одноклассниками, как

Гулливер в стране лилипутов. Сейчас рост у этого пэтэушника далеко за метр девяносто, вес сто с лишним килограммов. Весь налитый тугим салом вперемешку с массивными мышцами. Говорят, и отец у него такой же, двухметровый бугай.

Я со своими метром восьмидесятью и шестидесятью семью килограммами серьезно ему уступаю. И драться эта горилла умеет и любит. Старается в первые секунды смять напором и задавить массой. Помню, год назад этот мутант крепкого студента-борца раздолбил, как молоко отбивную. Всадил ему сигаретой в щеку и ножицей по тому месту, где ноги соединялись природой, а потом добивал кулаками. Повезло, что сам студент был «авторитетный» борцуха и заявление не подал, а когда в больницу приехал следователь, вызванный врачами, показания давать отказался.

Да и один он не ходит. С Быком всегда пять-шесть человек – «шестерок». Могут ударить исподтишка, добить ногами. Этот мутант даже может их сначала натравить. Захочет поразвлечься, и будет лень кулаками махать, сначала своим пристяжным «фас» скажет. Такое уже было. Эти отморозки налетают стайей шакалов, сбивают с ног и затапывают. А Бычара наслаждается зрелищем. Беспредельщики.

– Неделя с дружками тебя Быку заложит, сто процентов. Он пацанам в классе трепался, что Бык тебя на лоскуты порвет. Радовался, гад, – прерывает мои раздумья Пашка.

– Мы тут подумали и решили... – вступает в разговор Ваня. Он, как всегда, спокоен и сосредоточен. Я уже догадываюсь, что он скажет дальше.

– Вместе будем разбираться, тебя одного не бросим. Главное, на виду будь и никуда без нас не ходи, – продолжает он.

– Ага, – поддакивает Амосов, видно, что он немного испуган, но в глазах плещется решимость идти до конца.

– Я с Мансуром из 10-Б говорил, – продолжает Волков, – он с тобой в приятельских отношениях и тоже впишется, если что. Бык всех достал.

Мансур – это хорошо. Чемпион нашего города по боксу среди юношей в первом среднем весе. С Бычарой они друг друга недолюбливают и демонстративно не замечают, еще со времени учебы в одном классе. А мы с Мансуром, наоборот, приятели. Еще пару лет назад подружились.

Черт! О чем я думаю? У меня совсем другие цели и задачи. Через тринадцать лет моя Родина погибнет! Вот только разборки с малолетними сывками для полного счастья мне не хватало! Но, видимо, решать проблему все-таки придется. Эта жертва аборта от меня не отстанет.

– Да, мы же тебе самое главное не рассказали, – Паша с трудом сдерживает торжествующую улыбку. – Неделя на весь класс разорялся, что с тобой Бык сделает. Многие слышали. Николаенко, скорее всего, подруги рассказали. Она на следующей перемене подошла к нему и как залепит пощечину, так что голова мотнулась. Этот придурок даже на парту сел. А Анька его трусливой мразью назвала. Мы просто обалдели.

– Так все и было, – у обычно серьезного и сдержанного Вани тоже пляшут веселые чертики в глазах, – представляешь, Недельский стоит в проходе между партами, Николаенко подходит к нему, разворачивается и молча с размаху как даст ему рукой по роже. Антона даже в сторону качнуло. Он бесится, щека красная от отпечатка ладони, а сделать и сказать ничего не может, Быка боится. Лесенко и Поляков рядом тихонько хихикают, отворачиваются, рожи ладошками закрывают, чтобы Неделя не увидел. Цирк.

– А Николаенко смотрит ему в глаза, – Амосов изобразил презрительный взгляд нашей красавицы, – и говорит: «Недельский, ты гадкая, трусливая мразь», гордо разворачивается и идет к своей парте.

– Молодец, да? – Пашка дружески толкает меня локтем в бок. – Может, она к тебе неровно дышит? Повезло тебе, Шелестов, какую красотку окрутил.

– Да не мели ерунду, – отмахиваюсь я, – может, она его за что-то другое ударила.

– Да за что другое?! – кипятится Пашка. – Неделя в ее сторону даже дышать сильно боится, понимает, одна жалоба Аньки – и Бычара его убьет. За тебя она ему по морде дала.

– Да какая разница, – хлопает его по плечу Иван, – не доставай Леху. Видишь, ему сейчас не до тебя.

Амосов замолкает.

Что Аня из-за меня Недельского треснула, не сомневаюсь. Но понимаю, что Бык будет еще больше взбешен. Если раньше была хоть призрачная возможность как-то договориться, то сейчас точно вломить ему придется. Хотя кого я обманываю? Не получилось бы разойтись с этим моральным уродом по-хорошему. Бычара получает удовольствие от демонстрации своей силы и унижения других. Так что в любом случае разборка неминуема.

А девочка все-таки молодец. Есть у нее характер. Надо будет с ней пообщаться.

– Ладно, ребят, – я отрываюсь от своих мыслей, – мне все равно на тренировку через пару часов. Завтра еще вернемся к этой теме. Что там нам сегодня задали?

8 сентября 1978 года, 17:03

С усталым вздохом захлопываю и откладываю в сторону учебник алгебры. Эти производные косинуса, синуса и котангенса меня с ума когда-нибудь сведут. Всегда щелкал математические задачки и примеры как орешки. Спустя пятнадцать лет многое подзабыл. Пришлось как следует попотеть, решая уравнения. Единственная неприятная сторона моего «возвращения» в детство – учеба. Я по-прежнему ощущаю себя взрослым 31-летним мужиком. Повторная зубрежка домашнего задания для 10-го класса, после десяти лет школьной учебы и пяти лет в военной академии в «старой» жизни, вызывает невероятное отвращение. Ненавижу так тратить время, но что поделаешь, надо.

Смотрю на настенные часы, висящие над письменным столом. Папа специально повесил их туда, напоминая мне о своих словах, что «самый дорогой и невозполнимый ресурс – время».

Уже пять вечера. Через час из своего НИИ должна вернуться мама. Но меня уже здесь не будет. Мне пора на тренировку. Иду в прихожую, достаю из шкафа синюю спортивную сумку «Динамо». Туда отправляется сохнувшее после стирки на балконе белое кимоно, вьетнамки, полотенце, боксерские перчатки, мыло в пластиковой коробочке и капа в прозрачном кулечке. До запрета карате в СССР еще больше трех лет, хотя мы занимаемся в военном спорткомплексе «Звезда» скорее модифицированным рукопашным боем. Это своеобразная смесь из боевого самбо с джиу-джитсу и ударной техники бокса. А кимоно, по словам нашего тренера, отлично имитирует верхнюю одежду и позволяет делать разнообразные захваты за брюки. Поэтому когда встал выбор, что приобретать, самбовку или японскую экипировку, мы с папой выбрали второй вариант.

Игорь Семенович Зорин всю жизнь увлекался боевыми искусствами. Сам он предпочитает отмалчиваться, но я на домашних посиделках отца с сослуживцами краем уха слышал о бурной биографии нашего тренера. Вьетнам, Ангола... Говорят, он даже инструктором работал. Готовил какие-то засекреченные подразделения. В настоящий момент Семенович тренер армейской команды по самбо, отдельно занимается с разведчиками и офицерами. Нашу группу он взял готовить по просьбе сослуживцев. Тренируются в ней не больше шести человек, большинство – дети военных. Посторонним попасть к нам на занятия невозможно.

Занятый раздумьями, я одеваюсь, на «автопилоте» закрываю дверь и оказываюсь на улице. До спорткомплекса «Звезда» пара остановок на троллейбусе, но сегодня решаю пройти их пешком, хотя в карманах и бренчит горсть мелочи.

В сентябре сумерки наступают часов ближе к восьми вечера, а пока светло и относительно тепло. Я шагаю по городу, рассматривая знакомые улицы. На углу стоит знаменитая «Пирожковая». Мы регулярно бегали туда после школы. Буфетчица, тетя Нина, полная и доб-

родушная женщина лет сорока, в смешном чепчике и с большим белым бантом на макушке, всегда выносила нам горячие пирожки с мясом. Мы смаковали каждый кусочек пышущего жаром теста, получая невероятное удовольствие от тающей во рту свежей выпечки. Позже, уже будучи курсантом, приезжая к родителям, я неизменно заходил сюда и покупал целый кулек пирожков с мясом, творогом, капустой и другой начинкой.

Дальше находится книжный магазин. Здесь я тоже любил пропадать. Часами крутился у прилавков, рассматривая новинки и интересные книги, а иногда даже простаивал огромные очереди, когда привозили книги Майн Рида, Фенимора Купера, Дюма и других известных писателей. Правда, появлялись в свободной продаже они крайне редко и сразу же расхватывались. Пашка утверждал, что из-под прилавка они тоже регулярно продавались, но далеко не каждому. Хотя с книгами в нашей семье проблем не было. Дед, а потом и папа собрали огромную библиотеку и регулярно ее пополняли. А если я хотел приобрести что-то особенное, то ехал на городской рынок. Там всегда можно было достать популярную фантастику или детектив у спекулянтов. Правда, обходилась такая книга намного дороже, чем в магазине. Мне приходилось долго собирать деньги, экономя на школьных завтраках и деньгах на карманные расходы. Зато какое огромное наслаждение я испытывал, листая новенькие хрустящие страницы и погружаясь в удивительный мир храбрых мушкетеров, благородных индейцев, коварных злодеев, рыцарских турниров и невероятных приключений.

Предаваясь воспоминаниям, я не заметил, как дошел до «Звезды». Дед, по просьбе отца и его сослуживцев, помог создать спортивный комплекс, который хотя формально и входил в «Физкультурно-спортивное объединение Вооруженных сил», и считался одним из клубов при Министерстве обороны, но обладал определенной независимостью.

Захожу в здание. Вахтер приветливо кивает мне, берет пропуск и нажатием невидимой кнопки снимает блокировку вертушки. Поздоровавшись, прохожу в огромный холл, сворачиваю налево, спускаюсь вниз по бетонным ступенькам и иду к серой двери в конце коридора с большой табличкой «Зал самбо».

Семенович сидит за маленьким столиком, рядом с весами, и, ухмыляясь, читает «Советский спорт». Интересно, что же там такое написали, что вызвало такую реакцию тренера?

Услышав скрип открываемой двери, Зорин поднимает голову. В его глазах отражается узнавание.

– Иди, переодевайся, ребята уже там, – коротко командует он и опять погружается в чтение.

В раздевалке, находящейся в углу громадного спортивного зала, уже деловито переодевается моя группа. Обмениваюсь с парнями рукопожатиями. Сережа Мальцев, Леша Волобуев, Игорь Миркин, Вова Потапенко, надевающий застиранную синюю самбовку, – все уже взрослые парни. Первый и второй – студенты, Игорь уже окончил школу, работает на заводе, хочет поступать в военное училище, Вова в этом году выпускается из автодорожного техникума. Я здесь самый молодой. Не хватает только Вероники. Это единственная девушка в нашей группе, дочка директора спортивного комплекса «Звезда» – Всеволода Аркадьевича Подольского.

– Вероника уже пришла? – флегматично интересуюсь у переодевающихся одноклассников. Обычно я работаю с ней в паре. Девчонка пару раз опаздывала, и пока все отрабатывали приемы и броски, я в одиночестве злобно колотил боксерский мешок. Правда, потом ее Семенович заставлял пятьдесят раз отжиматься на кулаках. К опозданиям наш «сэнсей» нетерпим. Парней вообще отправляет обратно, со словами: «Иди, отдохни, и в следующий раз приходи вовремя».

– Да, она уже у девочек переодевается, в гимнастическом зале, – басит Серега, самый крупный и основательный парень в группе. Размерами он точно не меньше Быка, а то и больше.

Отлично. Тренировка точно пройдет нормально. Мы быстро переодеваемся и выходим в зал. Там уже скучает Вероника. Девчонка она неплохая, даже симпатичная. Но я ее восприни-

маю как товарища. Не люблю пацанок. Мне больше нравятся нежные и женственные девушки. Они могут быть с характером. Но представительницы слабого пола с рельефной мускулатурой, широкими плечами и набитыми костяшками и голеньями точно энтузиазма не вызывают.

– Проводи разминку, – командует Сергею Игорь Семенович.

Парень переходит на бег трусцой по борцовским коврам, мы послушно следуем за ним. Хлопок в ладоши, и наша группа на корточках плетется гусиным шагом. Еще один такой сигнал, и мы приседаем, а потом прыгаем вверх.

Разминка занимает около десяти минут. Когда мы немного вспотели и разогрелись, Зорин командует разбиться по парам. Мы с Вероникой привычно занимаем место в углу ковра.

– Шелестов постой сегодня с Потапенко, а Миркин пусть поработает с Подольской, – деловито приказывает Семенович.

Интересно, что это нашему тренеру в голову пришло? Раньше, наоборот, требовал, чтобы я постоянно отрабатывал приемы с Вероникой. Впрочем, не буду забивать этим голову. Чужая душа – потемки.

– Сегодня у нас вольная тренировка со сменой партнеров, – объявляет Семенович, – опускаемся в партер. Располагаемся по кругу. Задача – вывести соперника из равновесия, взять на болевой или удушающий. В крайнем случае продержаться минуту на лопатках. Время борьбы – три минуты. Свисток, схватку прекращаем, переходим направо к следующему противнику, повторный – продолжаем борьбу. Общее время выполнения упражнения девять минут. Всем всё понятно?

Группа вразнобой, негромкими «да» и кивками, выражает свое согласие.

Мы опускаемся на колени и становимся друг напротив друга в режиме «боевой готовности».

Хорошая такая задача. Особенно учитывая, что Потапенко – базовый самбист. Вообще легче меня, и то на пяток килограммов, только Вероника. Остальные парни крупнее и намного тяжелее. Ну ладно, поборемся. В армии я был фанатом стрельбы и рукопашного боя, поэтому несколько сюрпризов у меня найдется.

Семенович берет висящий на груди секундомер, достает из потертых треников свисток. Через несколько секунд раздается пронзительная трель сигнала. Поехали.

Потапенко буром прет на меня, пытаясь схватить за шею и подмять под себя. Здоровый медведь.

Левой ладонью подхватываю его под локоть и резко дергаю вверх, сбивая попытку захвата. Правой захватываю рукав самбовки и движением колена смещаю вправо. Одновременно делаю резкий рывок на себя.

Парень оказывается на четвереньках. Используя его рукав для продолжения движения, прыгаю ему за спину, окольцовывая ногами живот. Левая рука захватывает шею противника, смыкаясь на локтевом сгибе правой, которая давит на макушку Вовы, сжимая яремную вену и препятствуя кровоснабжению мозга. Потапенко пытается разорвать захват на горле, но уже поздно. Его лицо начинает наливаться кровью. Через несколько секунд он обреченно стучит ладошкой по моей ноге. Скатываюсь с его спины и растягиваюсь на борцовском ковре, при этом замечая пристальный взгляд Семеныча. Тренер явно удивлен. Через пару минут раздаётся свисток. Смещаюсь вправо.

Там меня уже ждет огромный Серега Мальцев. Он зловеще ухмыляется и показывает мне большой палец. Мою победу над Потапенко он оценил. Свисток. Мальцев моментально сгребает меня своими лапищами. Я и пикнуть не успеваю, как оказываюсь снизу. При такой физической мощи Сергей очень быстрый парень. Настоящая машина. Теперь ему нужно продержаться меня минуту на лопатках. Вырваться, при таком превосходстве в физической силе, бесполезно. Ладно. Покажу ему кое-что новенькое. В 90-м году товарищ принес мне несколько видеокассет с бразильским джиу-джитсу. Клан Грейси систематизировал знания, полученные

от мастера Маэды, и развил эту борьбу, сделав основу на работу в партере. Хелио Грейси, которого называют основателем бразильского джиу-джитсу, будучи субтильного телосложения, победил многих знаменитых атлетов, пользуясь этими приемами. Я изучал каждый элемент его «коронок» в спортзалах воинских частей, куда меня забрасывала судьба.

Ладно, познакомим тебя с «кимурой». Для начала симитируем попытку перевернуться на бок. Сережа, естественно, не дает мне этого сделать, он держит меня своими лапищами, как клещами. Но главное, я смог просунуть правую руку между его головой и плечом. Отлично. Теперь захватываю запястье руки противника, резко бью ногами по его бедрам, немного откатываясь назад и чуть вбок, быстро скрещивая их на спине противника. И последний этап, приподнимаю рывком плечо, захватывая ладонью правой локтевой сгиб левой. Соединенные в замок руки выворачивают назад запястье Мальцева. Серега с искаженным от боли лицом стучит по коврику. 2:0.

Звучит свисток. Не преждевременно ли?

– Шелестов, подойти ко мне, Вероника отдыхает, остальным продолжать упражнение, – раздаётся командный голос Семеновича.

Я встаю и иду к тренеру. Наставник смотрит на меня изумленным взглядом.

– Ты где такому приему научился? – интересуется он.

– Товарищ один книги японские привез по джиу-джитсу на английском. Там все было элементарно рассказано и показано. Вот мы с ним и отработывали их некоторое время вдвоем, – выдаю придуманную в последнюю секунду легенду.

– А почему не рассказал? – требовательно интересуется Игорь Семенович.

– Так а что рассказывать? – недоуменно пожимаю плечами. – Ну, посмотрели книги и позанимались несколько дней. Как это будет работать в схватке, я только сейчас увидел.

– А у твоего товарища можно эти книги взять и посмотреть? – по загоревшимся глазам тренера я вижу, как ему хочется их увидеть. Жаль, придется его обломать.

– Он уже в Москву уехал, – лаконично отвечаю я.

– Ладно, иди обратно. – Огоньки в глазах Зорина гаснут, он явно расстроен упущенной возможностью.

Потом мы в боксерских перчатках работаем в стойке, отработывая ударную технику рук и ног. Здесь я тоже решаю поэкспериментировать. Раздергиваю Потапенко джебами, имитирую несильный удар в корпус и заряжаю ему прямой правой в подбородок. Каким-то невероятным образом Вова успевает чуть сместиться, и прямой правой получается немного смазанным, но все равно ощутимым. Разозленный парень «включает мельницу» и бросается на меня. Боковой удар ногой я парирую предплечьем. Его кулаки свистят у моего лица. Ухожу влево сайд-степом, заставляя его проваливаться, и пробиваю боковым в точку за ухом. Нокдаун. Потапенко пытается встать, ошеломленно трясая головой. Все остальные пары прекратили тренировку и смотрят на нас. Изумление, которое я читаю на их лицах, говорит само за себя.

Свисток.

– Шелестов, подойди, – в очередной раз просит тренер.

Выполняю его просьбу.

– Леша, ты меня сегодня поразил. Почему раньше придуривался? – спрашивает Игорь Семенович, пристально смотря мне в глаза.

– Вы о чем? – пытаюсь включить «дурака».

– Леша, ты мне тут клоунаду не устраивай, – тихо говорит Зорин, придвинувшись ко мне, – у тебя отличные борцовские и боксерские навыки. Где занимался, с кем и почему приворачался?

– Игорь Семенович, вы меня давно знаете. Ну, где я мог тренироваться кроме вашей группы? – Мой взгляд лучится неподдельной искренностью.

– Ладно, – наставник отводит глаза, – иди, Пал Палыча побей по точкам.

Пал Палыч – это самодельное чучело из кожзаменителя, набитое ватой, конским волосом и опилками. Оно идеально имитирует фигуру взрослого мужика и подвешено на растяжках, как круглая груша.

Семеньчу делали его на заказ местные умельцы.

Я подхожу к Пал Палычу. Он безмолвно таращится на меня нарисованными глазами.

– Отрабатывай на нем наши связки. Горло, пах, глаза, колени, – дает задание сэнсей. – Да, и перчатки сними, они тебе тут не понадобятся.

– Хорошо, – я развязываю шнуровку на перчатках и аккуратно кладу их на ковер.

Подхожу к чучелу и начинаю. Удар пальцами, собранными в «клюв орла», в глаз, потом ногой в пах. Отскок. Снова сближение, тычок основанием ладони в нос и хлест ребром ладони в горло. Опять отход. Удар на подскоке ребром стопы в колено и фалангами вторых суставов под сердце. Пал Палыч только дергается в стороны от моих комбинаций. Работая с тренажером, не замечаю, как летит время. Звучит свисток, и зычный голос Игоря Семеновича объявляет об окончании занятия.

Парни отправляются в раздевалку. Вероника тоже уходит в гимнастический зал. Я бреду в раздевалку последним. Мимо меня проносятся Миркин и Мальцев в плавках и с полотенцами на плечах. Ребята направляются в душевую. За ними спешит Волобуев, дружески хлопнув меня по плечу. Потапенко, понурившись, сидит на скамье у раздевалки. Видно, парень еще не отошел от нокдауна.

Осторожно трогаю его кончиками пальцев за плечо. Вова поднимает голову.

– Извини, я не хотел так, увлекся просто, – мне действительно неловко. Парень хороший и ни в чем не виноват. Это я, окунувшись в привычную атмосферу спарринга, получил адреналиновый заряд и немного забылся в горячке боя.

Потапенко вяло машет рукой.

– Ничего, Леш, бывает.

– У тебя все в порядке? Может, тебя до дома проводить? – участливо интересуюсь у товарища.

– Да все нормально, не надо, – Вова даже немного смутился, – я в порядке.

– Шелестов, пойдем за мной, – голос Семеновича звучит у меня над ухом. Поворачиваюсь к наставнику и покорно следую за ним в комнатку тренерской.

– Чай будешь? – спрашивает сэнсей, насыпая себе в чашку заварку из металлической коробочки.

– Нет, спасибо, – отказываюсь я. – Игорь Семенович, вы что-то хотели сказать?

– Хотел, – сухо отвечает Зорин, – ты можешь говорить что угодно, но я тебе не верю. Где-то ты однозначно тренировался. Очень серьезно и с хорошим инструктором. Таких чудес не бывает.

Я молча смотрю на него. Неожиданно картинка на мгновение теряет четкость, расплываясь смутной пеленой перед глазами. Меня словно сотрясает удар тока, тело непроизвольно передергивается.

Густой туман, окутывающий серой дымкой загородную трассу. ЗиЛ-130 с пьяным водителем, выныривающий навстречу знакомому темно-синему «Москвичу-408». Отчаянный детский крик. Развороченная машина на фоне удирающего грузовика. Милиционеры, деловито осматривающие место ДТП. Санитары, грузящие на носилки изломанное, залитое кровью детское тельце.

Похороны. Военные несут на плечах небольшой гробик, кажущийся игрушечным. Седой как лунь Семенович, ссутулившийся и постаревший лет на двадцать, поддерживаемый за руку моим отцом, медленно бредет за похоронной процессией...

– Игорь Семенович, – мой внезапно охрипший голос похож на воронье карканье, – завтра утром вы собираетесь поехать с Надей на дачу. Не вздумайте это делать...

Банка с заваркой летит на пол. Черные крупинки веером разлетаются по плиточному полу.

Зорин растерянно смотрит на меня.

– Откуда ты знаешь? Я об этом никому не говорил. Только вечером решил поехать, – ошеломленно бормочет он.

Жена наставника несколько лет назад умерла от рака. Десятилетнюю дочку Надю он растит сам. Зорин души в ней не чаёт. Семенович даже убедил переехать в наш город свою одинокую пожилую тетку из Уральска, каким-то чудом организовав квартирный обмен. Она приглядывает за Надей, пока сэнсей на работе. Ребенок всегда одет с иголочки, чист и ухожен.

– Игорь Семенович, просто поверьте мне. Если вы дорожите жизнью своей дочери, оставайтесь дома, – я пристально смотрю ему в глаза и стараюсь говорить убедительно.

Зорин резко хватает меня за воротник кимоно и рывком вздергивает вверх, притягивая вплотную к своему лицу. Мои ноги начинают балансировать на носочках.

– Что ты сказал, гаденыш? – шипит он. – При чем здесь Надя? Если с ней что-то случится, я тебя порву.

Пытаюсь разогнуть его пальцы, но они у наставника как будто железные. Продолжаю плясать на носках, чувствуя себя кроликом в объятьях удава.

– Я вас просто предупредить пытаюсь, – хриплю, глядя ему в глаза, – завтра пьяный колхозник на ЗиЛе вылетит на встречную полосу. Вы водитель хороший, но из-за тумана не успеете вовремя его увидеть. Попробуете вывернуть руль, чтобы избежать столкновения, но у вас не получится. Он протаранит вас в бок во время разворота, удар придется именно в то место, где будет сидеть Надя.

Зорин еще несколько мгновений буравит меня бешеным взглядом. Потом ярость медленно уходит из его глаз. Он аккуратно отпускает меня, возвращая в исходную позицию.

– Извини, – раздается глухой голос сэнсея, – ты про Надю сказал, и будто красная пелена глаза застлала. Я тебя убить был готов. Она одна у меня осталась после смерти Маши.

– Все нормально, – отвечаю, осторожно ощупывая шею. Дури, конечно, в нем очень много. Еще немного и он бы меня покалечил.

– Вы мне тоже не чужой человек. Не хочу, чтобы с вами и дочкой что-то приключилось. Не знаю, как это получилось, но у меня перед глазами картинка возникла, как будто я это сам наблюдал со стороны. Уверен, если вы поедете завтра на дачу, то вам с Надей грозит серьезная опасность.

– Чертовщина какая-то, – тренер озабоченно трет ладонью лоб, – знаешь, Леша, еще несколько лет назад послал бы я тебя далеко. Но сейчас даже не знаю, что сказать. Бывал я в одной стране, общался с местными знахарями. Живут в хижинах из потрескавшейся глины, а такое творят. Никогда не поверил бы, если бы собственными глазами не видел.

Знаю я эту страну. Ангола называется. Там вы с моим отцом вместе воевали. Но вслух я Игорю Семеновичу это не говорю.

– Вот и послушайте меня, – повторяю настойчиво, – что вам стоит отложить поездку на дачу до следующих выходных? По большому счету вы ничего не теряете, а сохраните свое здоровье и жизнь дочери. Пусть лучше в школу ходит, у нее учебный день все-таки.

– Ты, Шелестов, удивляешь меня все больше и больше, – криво усмехается Зорин, – то на тренировке взрослых, более опытных и сильных парней побеждаешь, то пророчества, как Кассандра, вещаешь. И давно это у тебя?

– Сегодня в первый раз.

Я спокойно выдерживаю взгляд тренера. Правду говорить легко и приятно, далеко не всю, конечно, но кто об этом знает?

– Картинку, говоришь, видел? Погоди, – судя по загоревшимся глазам Зорина, его осенила какая-то идея. Он достает из кармана тренировочных штанов связку ключей и лезет в

сейф. Копаются там пару минут, вынимают карту области, раскладывает ее на столе и берет карандаш.

– Смотри, допустим, я уезжаю утром на дачу. Это тридцать километров от нашего районного центра в Павловке. Опиши место, где произойдет это ДТП.

– Вы заезжаете на окраину леса, – я задумался, припоминая все подробности увиденной картинки.

– О, – победно щелкаю пальцами, – там, на опушке расколотое пополам тонкое дерево, метров сто от него, не доезжая до поворота в село.

Судя по расширившимся от изумления глазам тренера, он мне поверил окончательно.

– Есть такое, – признает Зорин. Он выглядит потрясенным.

– Знать ты этого не мог, – минуту помолчав, продолжает наставник, – допустим, твой отец и мог сказать что-то про мою дачу, но про дерево... Да и я только час назад решил завтра туда ехать. Действительно, чертовщина...

Молчание затягивается.

– Игорь Семенович, так вы не поедете? – на всякий случай уточняю я.

Теперь точно нет, – наставник собран и деловит. – Так, а про машину и водителя ты сказать что-то можешь?

– Грузовик ЗиЛ-130, светло-голубой, номер... – тут я задумываюсь.

Номер я различить не могу. Какое-то избирательное у меня ясновидение, здесь вижу, там нет.

– Не могу сказать, – выдыхаю я, – водителя зовут Толик. Он заночует у любовницы, напьется самогона, а утром, еще не протрезвевший, хлопнет стакан для опохмелки и сядет за руль. Кстати, машина принадлежит местному колхозу «Заветы Ильича». Больше ничего не знаю.

– Значит, это будет на въезде в Павловку, – задумчиво говорит Игорь Семенович, обводя кружком место ДТП, – скорее всего, шофер поедет оттуда. Рядом деревень по этой трассе нет. Колхоз такой есть, – продолжает он, – председателя я знаю. Завтра суббота, но попробую дозвониться к нему в контору. Может, получится остановить этого ухаля, пока он не натворил дел.

– А что вы ему скажете? – любопыствую я. Мне действительно интересно.

– Да это не проблема, – отмахивается наставник, – скажу, что в селе видели шофера пьяным, собирався сесть за руль. Если что, всегда можно отбрехаться, что ошиблись. За бутылку парочка местных всегда подтвердят любые мои слова. Но, думаю, до этого не дойдет.

8 сентября 1978 года, 20:45

Захожу в прихожую своей квартиры. Чувствую себя уставшим, как грузчик, всю ночь разгружавший вагоны. В гостиной работает телевизор. На пороге комнаты появляется мама, услышавшая звук открывающейся двери.

– Мой руки, Леш, я сейчас разогрею ужин, – командует она.

Разуваюсь и иду в ванную. Когда я мылю руки и полощу их под струей теплой воды, слышу аппетитное шкворчание разогреваемого мяса. Рот моментально наполняется слюной. Вытираю руки полотенцем и вылетаю на кухню.

Усаживаюсь на стул. Мама уже в переднике. Она деловито орудует на кухне, разогревая еду. Через минуту рядом со мной возникает большая тарелка. Рядом стоит миниатюрная пиала с оливье. В отличие от других семей, мы готовили его не только на праздники. Мама любила баловать нас с отцом разнообразными яствами и получала настоящее удовольствие, видя наши довольные физиономии, уплетающие за обе щеки очередной кулинарный шедевр.

На тарелке появляется два кусочка хлеба, затем большая отбивная и горстка макарон. Потом на тарелку кладутся нож с вилкой. На них еще виднеются капельки воды. Родительница помешана на чистоте и гигиене. Перед подачей на стол тщательно ополаскивает даже недавно мытую чистую посуду.

Я начинаю яростно кромсать ножом отбивную, наворачивать вилкой оливье и накалывать на нее макаронины.

– Леш, куда ты спешишь? Никто у тебя еду не отберет, – в мамином голосе чувствуются нотки иронии.

Торможу себя и заставляю есть медленнее. Мама одобрительно смотрит на меня.

– Как прошла тренировка? – интересуется она.

– Нормально, – отвечаю я, – поборолись, немного побоксировали. Все, как всегда.

– В школе все в порядке?

– Конечно, – пожимаю плечами. Рассказывать ей о своем «приступе» и о том, что отпустили с уроков, не собираюсь. Незачем волновать родительницу. Пусть остается в счастливом неведении и не тратит нервы.

– Я уже по папе соскучился, – вздыхаю, коварно выбивая из мамы нужные сведения.

– Я тоже, – охотно откликается мама, – во вторник должен быть, кажется, всего три дня осталось, но тянутся как целая вечность.

Понятно. Папа в очередной командировке. Что же, будем ждать.

Не торопясь доедаю пищу. Перекидываюсь с родительницей еще парой фраз и неторопливо бреду к себе в комнату. Нужно собрать сумку и лечь спать. Чувствую, завтра у меня будет тяжелый день.

9 сентября 1978 года. Суббота

Просьпаюсь и некоторое время лежу, смотря в белый потолок. Первое мгновение кажется, что вчерашний перенос в 1978 год мне приснился. Смотрю на старый письменный стол, оконный проем, белый циферблат часов рядом с ним и понимаю – это действительно произошло.

В комнату заходит мама. Увидев, что я проснулся, она легонько тормошит ладошкой мои волосы.

– Леш, я уже завтрак приготовила. Вставай.

– Хорошо, мам.

Родительница выходит из комнаты. Я сладко потягиваюсь, хрустя суставами.

Здорово все-таки быть молодым. Откидываю одеяло и прыжком вскакиваю с постели. Бодро шагаю в ванную. Усиленно вожу щеткой по зубам, мою руки. Из кухни уже раздается волнующий аромат жареного мяса и свежего теста.

Там меня уже ждет тарелка с блинчиками и блюдцем сметаны. Рядом стоит кружка чая и розовая пиала с печеньем. Все родное, домашнее и невероятно вкусное. Еще в своей первой жизни я увлеченно трескал мамины яства, не задумываясь о вредных жирах и канцерогенах.

И сейчас увлеченно уничтожаю блинчики, получая удовольствие от тающего во рту теста и мяса с луком. В сочетании со сметаной они вызывают у меня гастрономический экстаз. Мама довольно наблюдает за мной.

Допиваю горячий чай. Отдуваюсь от сытной трапезы и, чувствуя приятную тяжесть в желудке, выбираюсь из-за стола.

– Спасибо, мам, очень вкусно, – искренне благодарю родительницу и чмокаю ее в щеку. Мама улыбается.

– Иди, собирайся в школу. Не теряй времени.

Быстро одеваюсь и, подхватив сумку, выхожу в прихожую. Прощаюсь с мамой, надеваю туфли и выхожу в тамбур. Через минуту я уже на улице. Как и вчера, солнечно, но холодноватый ветерок напоминает, что лето уже кончилось.

Подходя к школе, смешиваюсь с потоком шумящей оживленной детворы. Сегодня первый урок – русская литература. Где находится кабинет, я прекрасно помню. Через пару минут захожу в класс. Там как обычно, шум и гам. Прохожу к парте Николаенко, здороваюсь с девушкой, получаю в ответ кивок и демонстративно сажусь рядом с ней. За мной заинтересованно наблюдают несколько пар глаз. Недельский смотрит злобно, но встретившись со мной взглядом, ухмыляется и через пару мгновений отворачивается. Точно, сегодня будет попытка меня «наказать». Впрочем, это особо не пугает. Проблема, конечно, серьезная, сбрасывать со счетов возможное развитие событий, в том числе и негативный для меня вариант, не стоит. Но чем меня после Афгана могут напугать эти слякки-малолетки? Ничем.

Смотрю на своих одноклассников. Инга, улыбаясь, что-то рассказывает своей подружке Оле Сафронкиной, та заразительно смеется. Красивые ямочки возле уголков губ придают девушке особую привлекательность. Вчера после «появления» в 1978-м году мне было не до этого, а сегодня, зная о жизни своих одноклассников после школы, интересно наблюдать за ними. Ольга и Инга не перестанут дружить и после школы. Инга, дочь начальника СМУ, и сейчас сверкает золотыми сережками в ушках, а модные чехословацкие сапожки точно стоят не одну сотню рублей. После распада СССР ее папа развернется. Скупит несколько зданий в центре, сделает там ресторан, офисные помещения. Барахолка, находящаяся рядом, станет рынком, которым будет управлять новообразованный концерн отца. Оля успеет побывать замужем и развестись. Но дружить девчонки будут всегда. Интересно, что Писарская, несмотря на свой «высокий» статус, совсем не зазнается. В 1992 году, приезжая к родителям, случайно встретил ее на улице. Такая же приветливая, спокойная и улыбчивая женщина. Никакого высокомерия. Выпили пару чашек кофе в ближайшем кафе, вспомнили одноклассников, учителей, попрощались и разошлись.

Наташа Бойко опять уткнулась в книгу и сосредоточенно шевелит губами, повторяя абзацы текста. После школы девушка станет медсестрой, выйдет замуж за военного, родит детей. На момент моей «гибели» в 1993 году она училась в вузе, чтобы получить профессию терапевта.

Недельский попадет в тюрьму за мелкую торговлю наркотиками. На момент моей гибели в Белом доме он будет сидеть на зоне. Туда ему и дорога.

Волков завоюет несколько медалей на союзных соревнованиях, пока из-за травмы не покинет спорт. Некоторое время он будет бедствовать, но не сломается. Сначала Иван станет «челноком», потом прикупит себе пару магазинчиков в центре. Разборки с бандитами, которые захотят долю в его бизнесе, окончатся плачевно. Магазины спалят, Ивана избьют битами в подъезде собственного дома. Когда я встречал его последний раз, выглядел Волков неважно.

От печальных мыслей меня отвлекает пронзительная трель звонка. Шум в классе моментально стихает, все рассаживаются по местам. В класс заходит завуч. Молодая, симпатичная, черноволосая Нина Алексеевна. Смотрю на нее во все глаза. Этого учителя я уважаю. Каждый урок она проводит с душой, стараясь привить своим ученикам любовь к языку и русской литературе. Но при этом баловаться и бездельничать никому не позволяет. В 1989 году она станет директором школы, сделав ее лучшей в районе.

Урок начинается проверкой домашнего задания. К доске вызывается Чванов. После растерянного блеянья, в котором самой осмысленной фразой было «эээ, Горький был российским и советским писателем, эээ», Сашку отправляют на место с очередной заслуженной двойкой.

Бойко тянет руку. Нина приглашает ее заменить Чванова. Наташа отгарабанивает зазубренный текст, получает пятерку и садится за парту с сияющим лицом.

Учительница продолжает рассказ о творчестве Горького. С удовольствием ее слушаю и не замечаю, как заканчивается урок. Опять дребезжит звонок, завуч отпускает нас, и мы начинаем собирать портфели.

Шесть уроков пролетают один за другим. Фухх, слава богу. Это начинает меня утомлять, все-таки я уже не пацан, хоть и нахожусь в детском теле.

Вместе с Амосовым и Волковым идем домой. Ваня и Паша весело обсуждают школьные дела. Я, занятый своими мыслями, даже не прислушиваюсь к их разговору. За школьным забором дорогу нам преграждает несколько фигур. Началось!

Окидываю их взглядом. Громадный Бычара нагло ухмыляется и смотрит на меня. Слева от него стоит Толя Шпиль. Борзый вид, надвинутая на глаза кепочка, руки в карманах. Шпиль подражает своему старшему брату, топтавшему зону за «нанесение тяжких телесных». Рассказать бы ему, за кого там держат таких «бакланов». Справа от Быкова – Трофим. Еще одна жертва «блатной» романтики. Любит трясти мелочь у малышей и издеваться над слабыми. Низкий лоб, челюсть неандертальца, маленькие тупые глазки. Наглядное подтверждение теории Чезаре Ломброзо о физиономиях преступников. Немного сзади пристроились лузгающие семечки Комок и Дубина – шестерки Быка. Рядом с ними стоит торжествующий Недельский с гадко улыбающимися Поляковым и Лесенко.

Со мной один Ваня. Амосов куда-то исчез. Два человека против восьмерых, если Лесенко и Поляк влезут. Хреново.

– Пашка побежал за Мансуром, – шепчет мне на ухо Волков, – должен подскочить через минуточку-другую.

Молчание прерывает Бык.

– Ну что, фраер? Убить тебя сразу или немного помучить? – цедит он сквозь зубы, подражая басмачам из «Белого солнца пустыни». Любит Антон порисоваться.

Я улыбаюсь, сбрасываю на землю сумку и смотрю ему прямо в зрачки, весело, дерзко и злобно. Чем ты меня, шкет малолетний, хочешь напугать? Кулаками своими? Смешно.

В этот момент Бычару сверлит взглядом не испуганный подросток, а матерый и уверенный в себе мужик. Антон что-то чувствует. Ухмылка сползает с его лица, в глазах мелькает неуверенность. Его окружение тоже посерьезнело. Такой реакции от меня они не ожидали.

– Давай, Бычок, рискни здоровьем, – почти дружелюбно предлагаю ему, – только как мужчина, один на один. Или струсил?

Не хочу я бить подростка, пусть и блатного. Но другого выхода не вижу. Мирно разойтись в этой ситуации не получится. Подкараулил Бык меня на свою голову.

– Конечно, струсил, – раздается голос Тимура Мансурова, – это же шакалы, они только толпой и сильны.

Лица сявок смурнеют. Драться с победителем городских соревнований по боксу им не хочется. Да и команда старших одноклубников по просьбе Мансура тоже может подтянуться, если конфликт перейдет в серьезную стадию. Это знает школьная и районная гопота, обходящая чемпиона десятой дорогой.

Запыхавшийся Амосов становится с другой стороны от меня. Мансур подходит тоже не один. С ним Сережа Смирнов. Парень дружески мне подмигивает. Серега тоже крепкий и боевой. Пару лет ходил с Мансуром на бокс, потом на гиревой спорт переключился. Пять на восемь – совсем другая ситуация. Да и Поляк с Лесенко уже не полезут, и, похоже, Недельский тоже, он никогда особенной храбростью не отличался.

– Так, что здесь происходит? – звучит командный голос Нины Алексеевны. – Быков, опять за свое?

В глазах Быка мелькает плохо скрываемое облегчение.

Я оглядываюсь. К нам идет завуч в сопровождении Ани Николаенко.

– Мы еще с тобой встретимся, – тихо говорит он мне, и вся кодла, повинувшись его взмаху руки, скрывается в арке дома напротив.

– Быков, куда побежал? Лесенко, Трофимов, Недельский, сюда немедленно! – кричит Нина Александровна, но шпаны уже поблизости нет.

– Шелестов, в чем дело? Что они хотели от тебя? – интересуется завуч.

– Да ничего особенного, – машу я рукой, – так, небольшой спор.

– Понятно, – усмехается Нина, – не хочешь говорить. Смотри только, чтобы это слишком далеко не зашло.

– Не зайдет, – смотрю на завуча честным взглядом, – думаю, ребята все осознали и больше не будут.

Аня, стоящая рядом с Ниной, насмешливо фыркает.

– Может, попросить Евгения Григорьевича проводить тебя до дома? – озабоченно спрашивает завуч.

Вот только физрука мне в попутчики не хватало. Он, конечно, дядька хороший и внушительный, мастер спорта по вольной борьбе, но я как-нибудь без него обойдусь.

– Спасибо, не нужно, – вежливо отказываюсь, – меня ребята проводят.

– Ну смотри, – Нина осуждающе качает головой, разворачивается и идет обратно в школу.

Николаенко с независимым видом огибает нас и направляется к остановке.

– Ань, погоди, – окликаю ее.

Она останавливается.

– Ребят, пару минут.

Пацаны кивают.

– Иди уже, мы тебя подождем, Ромео, – раздается ехидный голос Паши. Опять слышу звук подзатыльника и возмущенный крик Амосова: «Ванька, ты задолбал».

Подхожу к Николаенко. Она молча смотрит на меня.

– Ань, спасибо тебе, но я бы и сам справился, – неловко начинаю объясняться, – не нужно было завуча звать.

– Шелестов, неужели ты думаешь, что я позвала Нину Алексеевну ради тебя? – Николаенко насмешливо смотрит на меня. – Мне просто надоело, что Бык избивает каждого парня, который просто поговорит со мной или сядет за одну парту. Отделаться от этого идиота я не могу. Он почему-то вообразил себе, что я его девушка. Хотя моего мнения никто не спрашивал. Я не хочу, чтобы из-за меня еще кто-то пострадал. Понятно?

– Да, но все равно тебе спасибо большое, меня еще в жизни никто так не спасал, – благодарно смотрю ей в глаза искренним взглядом, только где-то в глубине зрачков ярким огоньком бьется еле сдерживаемая смешинка.

Девушка смущается и опускает взгляд.

– Не за что, – звучит ее сухой голос – ты все сказал? Тогда пока.

Она невероятно красива даже сейчас, в простеньких советских туфельках и невзрачном сером пальто. Точеный профиль и зеленые глазищи, длинные изящные ножки. Если наложить на Аню макияж и одеть в вечернее платье – готовая топ-модель с обложки глянцевого журнала.

– Пока, – прощаюсь с ней и возвращаюсь к ребятам.

* * *

Домой, сопровождаемый компанией добровольных телохранителей, я дошел без проблем. Мамы опять не было. В эту субботу она опять работает. У них в НИИ конец квартала. Зато потом отгул получит. Разогрев борщ и пообедав, удобно устраиваюсь на диване. Мне нужно обо всем хорошо подумать.

«Проблему с этим дураком надо решать. Он не успокоится. Значит, нужно обломать ему рога».

В моей голове начинает созревать план. Мысленно прогоняю все его детали. Пожалуй, так и сделаю. Прямо сегодня, чтобы не затягивать. Не нужно отдавать этому придурку инициативу и давать возможность подстеречь меня.

«Теперь рассмотрим более глобальный вопрос. У меня есть двенадцать лет, чтобы спасти СССР. С одной стороны, времени достаточно, с другой – в обрез. У меня нет ничего для этого. Сейчас я простой школьник, без денег и возможностей как-то влиять на судьбу страны. Меня даже никто не будет воспринимать всерьез. Необходимо в ближайшие годы решить несколько проблем. Первая – деньги. Мне понадобится их очень много. Это необходимый ресурс, который позволит мне начинать что-то делать и добиваться поставленных целей. Второе – команда. Одиночки могут побеждать государственную машину только в фантастических романах. Мне нужно пусть несколько преданных соратников, но готовых сражаться за сохранение СССР любыми способами и до конца. Третья – вхождение во властные эшелоны. Впрочем, как решить эту проблему, у меня есть мысли.

Четвертая – нужна хорошая разветвленная официальная структура из спаянных идей единомышленников, желательно под крышей комсомола или КПСС. И, кажется, я знаю, как этого достичь и что предложить партийным боссам...»

Мои раздумья прерывает дверной звонок. В глазок вижу Семеновича. Открываю ему дверь.

– Привет, чаем угостишь? – спокойно осведомляется сэнсей.

– Здравствуйте. Конечно, пойдете на кухню. Через несколько минут мы, не торопясь, отхлебываем из кружек горячий чай, закусывая его баранками, предусмотрительно выложенными мною на тарелку.

Наставник пристально смотрит на меня.

– Чего не спрашиваешь, что я узнал по поводу водителя? – интересуется он.

– Вы сами мне все расскажете, – пожимаю плечами, – поэтому, наверно, и пришли.

– Угадал, – подтверждает Семенович, отпивает глоток горячего напитка и ставит кружку на стол.

– Ты оказался прав. На все сто процентов. Утром я в контору не дозвонился. Председателя поймал только ближе к обеду. Он уже был в курсе. Этот пьяный идиот Толик все-таки выехал утром на своем самосвале из Павловки. Врезался в дерево на выезде из леса. Примерно в то время, когда я планировал ехать на дачу. Капот всмятку. Дурака увезли в больницу. Сотрясение мозга, перелом ключицы и лицо порезано осколками. Так что, – крепкая ладонь тренера ложится на мое предплечье, – я у тебя в долгу. Я живу ради Надьки. А тебе обязан ее жизнью. Обращайся ко мне по любому вопросу.

– Игорь Семенович, мне ничего от вас не нужно, на моем месте каждый вас бы предупредил, – пытаюсь отмежеваться от благодарностей.

– Не спорь! – пятерня наставника гулко хлопает по столу. – Я сказал, ты услышал. Это все, что я хотел тебе передать. Мне пора. В понедельник, как всегда к пяти вечера, жду тебя на тренировку.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Закрыв дверь за Семеновичем, возвращаюсь в гостиную.

Пора собираться. Роюсь в гардеробном шкафчике. Нахожу старые перчатки отца. Они бросаются в спортивную сумку. Также туда летит черная куртка, купленная мне год назад. Перерываю кучу вещей и бумаг в комод, наконец вижу то, что мне нужно – жесткий кожаный кофр. Здесь лежит бинокль БПБ 12×40, изготовленный Загорским оптико-механическим заводом. Расстегиваю кнопочную застежку и убеждаюсь: прибор на месте и в отличном состоянии. Он весит почти килограмм, но дает двенадцатикратное увеличение и отличную картинку,

благодаря возможности индивидуальной фокусировки и широкоугольным окулярам. Имеются даже два противотуманных желтых светофильтра. Батя приобрел его для редких поездок на охоту. Внушительный бинокль с шершавой металлической поверхностью и прочным шейным ремешком даже приятно держать в руках. Только плохо, что футляр довольно большой. Вдохнув, кладу бинокль обратно, закрываю застежку и упаковываю его в сумку. Забираю из шкафа отцовскую фляжку, наполняю ее водой. Делаю себе на кухне пару бутербродов с сыром и колбасой. Они аккуратно заматываются в кулечек и тоже отправляются в сумку. Туда же идет протертый до дыр серый плед (мама давно собиралась его выбросить, да руки все не доходили) и дубовая ножка от старой мебели, складываемой на балконе. Напоследок надеваю на запястье командирские часы «Восток» – подарок родителей на день рождения. Отец чудом сумел приобрести их в Военторге.

Спустя полчаса я уже нахожусь на месте. Бык со своими корешами ежедневно проводит время на «балке», расположенной через три квартала от моего дома. Обычно они сидят в беседке, находящейся рядом с двумя хрущевскими пятиэтажками. Это я помню еще с «прошлой» жизни. Знаменитое место. Все школьники его десятой дорогой обходят, чтобы не нарваться на выпившую и ищущую развлечений шпану. Рядом с хрущевками пустырь с полуразрушенным зданием. Через год-другой его окончательно снесут и построят новый дом. Но сейчас я направляюсь именно туда. Здесь будет мой наблюдательный пункт. Думаю, караулить отморозка придется несколько часов, пока компания не начнет разбредаться. Переодеваюсь в черную куртку, распахиваю перчатки по карманам и иду искать подходящее место для наблюдения.

Лучше всего подходит полуразрушенный оконный проем на четвертом этаже с небольшой расщелиной до самого пола. Отсюда прекрасно видна беседка. Расстояние 120–150 метров. Частично полуразваленный дом немного прикрыт деревьями. Это тоже пусть не очень хорошая, но маскировка. Кладу сумку. Достаю футляр с биноклем. Регулирую резкость каждого окуляра, подкручивая колесики фокусировки. Отлично! Беседка видна как на ладони. Там уже сидят какие-то парни. Один из них поворачивается, и я узнаю Трофима, двое других находятся в глубине беседки и их пока не видно. Хотя по габаритам одного из них, скорее всего, это Бык. Но нужно знать точно.

Теперь можно расположиться удобнее. Расстилаю подстилку. Ложусь на нее. Сейчас заметить меня без специальной оптики практически невозможно.

Продолжаю следить за отморозками. Замечаю второго – Шпиля. Еще один остается неопознанным. Медленно текут минуты. Сявки курят, пьют пиво и смеются, разговаривая о чем-то своем. Постоянно наблюдать за ними невозможно. Спустя время внимание начинает рассеиваться. Чувствую жажду. Подгребаю сумку к себе, беру фляжку, откручиваю крышку и делаю глоток. Больше нельзя. Буду чаще отходить по малой нужде и прозеваю их уход. Наконец из глубины беседки выплывает лицо третьего. Это точно Бык. Сердце учащенно бьется в предвкушении разборки, а руки подрагивают. Проклятый подростковый организм. Усилием воли стараюсь привести себя в норму, избавиться от волнения. В некоторой степени мне это удается.

К беседке подходит парень. Рассматриваю его в бинокль. Это Недельский. Бык покровительственно хлопывает его по плечу и жестом предлагает присесть. Компания о чем-то оживленно разговаривает. Интересно, не обо мне ли? Неделя вполне может сдать мой адрес, тем более что живет он рядом, через подъезд. Хотя плевать, Бычара все равно не сумеет воспользоваться полученной информацией. Время течет медленно. Я успеваю съесть бутерброды, запить их глотком из фляги, разок быстро отойти в другое помещение «по-маленькому» и даже немного заскучать.

Надвигаются сумерки. Поднимаю запястье к глазам. Светящиеся фосфором стрелки на черном циферблате «Командирских» показывают 20:15. Пора гопникам разбежаться. У меня уже мама дома и волнуется, где пропадает ее непоседливый ребенок.

А сязки действительно начинают расходиться. Бык с Трофимом, обменявшись рукопожатиями с Недельским и Шпилем, направляются к гаражам. Отлично! Так я и думал. Это самая короткая дорога на «Петроградку». Бычара проживает где-то в том районе. Быстро снимаю бинокль и упаковываю его в футляр. Прячу его в сумку, достаю из нее дубовую ножку с металлическим штырьком, торчащим сверху. Надеваю перчатки, часы кладу в карман, дубинку в руку и быстро скачу по лестнице вниз. Меня опять начинает потряхивать от переполняющего организм адреналина. Повышенный гормональный фон подростка снова напоминает о себе.

Гаражи находятся рядом с моим убежищем, поэтому я иду навстречу Трофиму и Быку. Завернув за угол, я оказываюсь прямо перед ними.

Мое лицо расплывается в широкой улыбке.

– Привет, уроды! Не ждали? – весело интересуюсь, помахивая своим оружием.

Быков передергивается от неожиданности, в его глазах мелькает испуг. Трофим, после секундной оторопи, опять спокоен. Он слишком тупой, чтобы волноваться. Его рука медленно ползет к карману. Похоже, мой дар предвиденья начинает улучшаться. Я ясно представляю выкидной нож, с наборной ручкой из разноцветной пластмассы, который там лежит.

И намерения Трофима я «вижу». Он хочет незаметно сместиться за Быка, открыть выкидуху, прикрывая ее рукавами своей куртки, выждать удобный момент и воткнуть в меня узкое блестящее лезвие из нержавеющей стали.

– Чего тебе надо? Хочешь, чтобы мы тебя прямо тут похоронили? – Бык дополняет свой вопрос длинной матерной тирадой.

Отвечать ему я не собираюсь, тем более что Трофим уже засунул свою руку в карман. Штыковой выпад железным штырьком на конце палки в солнечное сплетение верзиле. Силу тычка я контролирую, чтобы ненароком не убить. Пэтэушник со стоном сгибается и, обхватив живот руками, заваливается в сторону. Второй удар палкой я наношу уже от души. Прямо по запястью Трофима, уже начавшего вытаскивать выкидной нож из кармана. Жалеть его не собираюсь. Многочисленные сэнсеи, обучающие обороне от ножа, просто занимаются мошенничеством. Защиты от него нет. Даже прыщавый подросток может истыкать безоружного опытного бойца «пером» со скоростью работающей швейной машинки. Расстояние в пять метров нетренированный человек, вооруженный ножом, преодолевает за полторы секунды. Если малолетний отморозок сумеет его достать, мои шансы на победу резко уменьшаются, хотя палка дает возможность выиграть разборку. Но лучше не рисковать. Поэтому Трофиму я запястье ломаю. Наполовину вынутый выкидной нож летит на землю. Ногой отправляю его подальше. Вторым ударом перебиваю голень. Пусть отдохнет, пока я закончу с Быком.

Воющий от боли Трофим, катающийся по асфальту, больше не боец. Бык, держась за живот, приподнимается и смотрит на меня с ненавистью.

– С палкой пришел? – хрипло выплевывает он слова. – А один на один слабо попробовать, как сам предлагал? Не по-пацански поступаешь. Я тебя все равно подловлю и поломаю.

– Оставь свои бластные заморочки себе, с вами, урками, так и нужно поступать. Куда пропадают ваши пацанские понятия, когда вы толпой метелите одного? – презрительно осведомляюсь у него.

Меня посещает неожиданная мысль. Надо решить эту проблему полностью. Подавить урода морально, показать, что у него в любом случае нет против меня никаких шансов. Понимаю, что делаю глупость, но движением руки откидываю дубинку назад.

– Хочешь по-честному? Я даю тебе шанс. Единственный. Решим все здесь и сейчас. Давай, начинай.

Бык немного оживляется. Даже истошно воющий Трофим чуть притих.

Атаку гопника я чуть было не пропустил. Уйти от прыжка Быка смог только в последний момент. Очень резвый парень, придется ему немного прыти поубавить. Для начала пробиваю ему короткий боковой по ребрам, потом, сместившись в сторону, вбиваю голень ему в бедро.

Бычара морщится, но пытается огреть меня кулаком с размаху. Нырком ухожу от этого деревенского удара и всаживаю в него крюк в челюсть. Противник плывет, но не сдается, пытается отмахиваться. Ему удается схватить рукав куртки. В следующий момент мощный пинок в живот отбрасывает меня к стенке гаража. Бык бросается на меня, обхватывая своими огромными ручищами. Они пригибают меня к земле, пытаюсь перевести в партер. Хрен у тебя это получится. Кулаком коротко пробиваю в область паха. Удар получается не очень сильный из-за неудобного положения. Бык содрогается, его хватка слабеет, но держать меня продолжает. Мне удается немного выпрямиться. Перемещаюсь круговым движением, чтобы Бычара оказался спиной к стенке. Ладонями вцепляюсь в голову противника, большие пальцы быстро нащупывают глаза и надавливают на них. Бык вскрикивает. Его захват разрывается. Но лишать его зрения я не собираюсь. Давлением на глазные яблоки отодвигаю его голову назад, а потом с силой дергаю ее вперед, навстречу резкому движению моего лба. «Бычок» – моя коронка, еще с «прошлой» жизни. Сильный и эффективный удар. Но бить его тоже надо уметь и знать куда. Долбанешь головой немного ниже – рассечешь себе лоб об зубы. Ударишь слишком высоко – можешь сам нокаутировать себя башкой соперника. Да и бить следует «футбольным» движением, чуть доворачивая голову вбок. Тогда можно не бояться оглушающей отдачи. Лучшая мишень для Бычка – переносица. Туда я и целю. С сочным хрустом она проминается под моим лбом. Бык опять орет. На меня брызгает кровь, разлетаясь каплями по куртке. Гопник медленно сползает по каменной стенке. Между его пальцами, прижатыми к лицу, текут темные струйки.

Трофим, негромко подвывая и держась за покалеченные места, наблюдает за нами. Похоже, он еще не отошел от шока. Ищу глазами отфутболенный выкидной нож. В проеме между гаражами ярким пятном выделяется наборная пластмассовая рукоять. Подбираю ее и подхожу к стонущему Быку. Он замолкает, убирает окровавленные руки от лица и опасливо пытается отодвинуться в сторону от меня.

Нажимаю на кнопку. Щелчок – и перед его глазами тускло блестит хищное стальное лезвие.

Беру рукой Быка за воротник, приставляю острие к его шее.

– Мы договорились? – холодно интересуюсь у перетрусившего сывки.

Бык послушно кивает.

– И еще, к Ане больше не лезь. Пусть она сама выбирает, как ей жить и с кем общаться. Ты все понял?

Гопник секунду ломается, но лезвие прочерчивает алую полосу под подбородком. Бычара испуганно смотрит в мои глаза и, встретившись со злым взглядом, выдавливает «хорошо».

– Вот и отлично, – отпускаю его воротник и демонстративно вытираю окровавленное лезвие об его куртку. – А чтобы ты остыл как следует и в горячке не наломал дров, я тебе больничный выпишу.

Хватаю его за бицепс, фиксируя положение тела. Коротко бью низом кулака как молотом в середину ключицы отморозка. Раздается негромкий хруст. Бык опять вскрикивает, лоб отморозка покрывается капельками пота. Все, теперь он будет долго лечиться. И правую руку поднять не получится. Можно было разломать ему колено. Но не хочу делать Быка инвалидом. Все-таки он еще несовершеннолетний.

– Ну, вот и все, – окидываю доброжелательным и веселым взглядом гопников. – Все вопросы сняты. Или кто-то с этим не согласен?

Сывки угрюмо сопят, отворачивают взгляды и высказываться не рискуют.

– И не вздумайте что-то рассказать ментам. Не надо. Над вами весь район будет ржать. Не говоря уже о том, что поверят мне, а не вам. А потом станет еще страшнее и больнее.

Сверлю глазами Трофима. Он перестает завывать и пытается подалеже отползти от меня. В глазах его плещется ужас. Этот точно ко мне больше не полезет.

Окидываю взглядом своих противников. На меня опять накатывает «озарение». Вся мерзкая жизнь двух моральных уродов оказывается передо мной как на ладони. Смотрю на стонущих и воющих гопников и понимаю: они получили по заслугам. За свою короткую жизнь отморозки совершили множество подлых поступков.

– Хочу добавить. Если вдруг вы передумаете и решите сообщить органам о том, кто и за что вас сегодня избил, сушите сухари и готовьте котомки со сменным бельем и папиросами. Сидеть на зонах придется очень долго.

Гопники напряженно слушают меня. Даже стонать перестали.

– Я знаю о вас всё, – мой взгляд упирается в Быка. – Ты месяц назад украл из подсобки гастронома продукты и три ящика водки.

Отморозок вздрагивает и изумленно смотрит на меня.

– Двадцать третьего августа вы вместе со Шпилем избили и забрали тридцать два рубля с мелочью у двух пьяных мужиков около автобусной остановки.

Теперь уже челюсть отвисает у Трофима.

– Так что давайте, донесите, мне просто не терпится рассказать нашей доблестной милиции о ваших славных подвигах, о попытке затягивания в подвал четырнадцатилетней девочки с целью изнасилования. Думаете, если у нее родители алкоголики, вам все с рук сойдет? Можно еще вспомнить о воровстве мелочи в раздевалке ПТУ, отбирании денег и избиваниях школьников, ночных гоп-стопах в парке. Участковый будет прыгать от счастья, получив информацию о ваших проделках. Виктор Петрович, ваш инспектор по делам несовершеннолетних, тоже будет невероятно рад. Вы его еще за прошлые годы достали до самой печенки. Думаю, наш советский суд, с их помощью, гарантированно выпишет вам путевку на несколько лет с бесплатным питанием и проживанием.

Отморозки смотрят на меня круглыми глазами. Бык что-то невнятно мычит. Из открытого рта Трофима капает струйка вязкой слюны. Настоящий олигофрен. Его не в тюрьму, а в дурку сажать надо. Вижу, мне удалось достучаться до их тупых мозгов и объяснить, что произойдет, если они скажут обо мне хоть слово.

– Кстати, за девочку, которую вы хотели изнасиловать, особо любвеобильному добавка полагается.

Резко подскакиваю к Трофиму и носком добавляю ему по яйцам. Отморозок визжит тонким голосом и сворачивается в клубок, держась за причинное место. Запястье его уже не волнует. Страшная боль в отбитых мужских принадлежностях корежит морального уroda.

– Ладно, мне пора. Надеюсь, больше не увижу ваши мерзкие хари поблизости.

Покидаю место боя, оставляя позади две распластанные на асфальте и стонущие фигуры. Живот немного побаливает после удара ноги, но терпеть можно. Складываю и засовываю нож в карман куртки, подбираю палку. Возвращаюсь в свой наблюдательный пункт. Используя воду из фляги, отмываюсь от грязи и крови. Бросаю куртку и ножку от мебели в сумку. Достая «Командирские» и надеваю их себе на руку. 20:40. Мне пора домой.

* * *

Осторожно открываю входную дверь. Хочу тихонько прошмыгнуть в свою комнату, но не получается. Мама, услышавшая скрежет открываемого замка, уже стоит на пороге прихожей.

– Ну, и где тебя носит? – недовольно интересуется она. – Уже двадцать минут десятого.

– Мам, я в курсе, – спокойно отвечаю родительнице, – с ребятами гуляли, вот и задержался немного.

– Гуляли? – мамин взгляд становится подозрительным. – А сумка тебе зачем? А ну дай ее сюда.

– Пожалуйста, – без колебаний вручаю сумку прямо в протянутую ладонь. Мне беспокоиться не о чем. Биноколь, дубину, нож, завернув в большой кулек, спрятал в укромном месте на чердаке. Плед и куртку выкинул по дороге. Одежду было немного жалко, но на ней могли остаться следы крови. Конечно, сывки не побегут меня сдавать, но лучше перестраховаться и избавиться от лишней улики. Да и куртка все равно была старая и уже сильно жала в плечах.

В сумке лежит только пустая фляга и остатки бутерброда. Завтра выберу время и заберу бинокль обратно.

– Флягу зачем брал? – интересуется мама.

– Мам, ну что ты, в самом деле? – удивляюсь я. – Гулял с ребятами в нашем парке, взял с собой перекусить и воду, чтобы утолить жажду.

– Ладно, – напряжение уходит из маминих глаз, лицо расслабляется, – иди ужинать...

Уже лежа в постели я задумался. Нужно ли было оставлять отморозков в живых? Может быть, надо было их завалить? Никаких рефлексий по этому поводу я не испытывал. Это подонки, человеческий мусор. Они способны лишь воровать, грабить, насиловать и калечить. Но убить их мне помешало несколько соображений. Первое, насильственная смерть двух отморозков вызовет шум, и немалый. Для сегодняшнего времени это серьезное ЧП. Сводки дойдут до областного начальства, оно начнет иметь районных боссов, а те ментов. Поднимется шум. Мне он на данном этапе просто не нужен. Незачем привлекать к себе повышенное внимание. Разумеется, меня никто не заподозрит. В головы милиционеров даже мысль не придет, что обычный школьник мог устроить засаду и завалить двух отморозков. Но они начнут отрабатывать все версии, и попытка Быка разобраться со мною после занятий в школе не останется незамеченной. Слишком много участников и свидетелей. Я в любом случае попаду в поле зрения милиции. Но мне это точно не нужно.

Можно было, конечно, подготовиться и грохнуть их где-то в глухом месте и прикопать. Но подготовка и разработка такой акции требует много времени, скрупулезного планирования и определенных вещей: амуниции, оружия, инструментов. Еще, может быть, понадобится транспорт и многое другое. У меня ничего этого нет. И возможностей быстро достать все необходимое и грамотно осуществить убийство – тоже. Не говоря уже о том, что в одиночку провести подобную акцию почти нереально. А что делать, если появятся случайные свидетели? Это же предусмотреть невозможно. Уничтожать простых людей я однозначно морально не готов, даже зная, что поставлено на кон.

С другой стороны, разобраться с этим малолетним отморозком было необходимо. Отдавать ему инициативу и позволять подкараулить меня в неожиданном месте в любом случае нельзя. От неожиданного удара ножом, дубиной и кастетом не застрахован никто. Справиться с целой компанией гопников, вооруженных «подручными средствами», можно только в кино. В реальной жизни меня просто затопчут, убьют или покалечат, сделав инвалидом на всю жизнь. Нужно было не просто расквасить ему нос, что даст минимальный эффект и спустя время вызовет горячее желание отомстить, а шокировать, сделать очень больно, напугать до судорог и на некоторый срок лишиться возможности «расквитаться». Тогда я смогу спокойно идти к своей цели, не опасаясь каких-либо проблем, по крайней мере, на определенное время. Гопники милиции меня не сдадут. Сесть за свои «шалости» они точно не захотят.

Поэтому все сделано правильно. Я убрал этот камешек со своей дороги. Временно или навсегда, будет видно.

С этой мыслью я и засыпаю.

10 сентября 1978 года. Воскресенье

Воскресенье я побыл дома. Только на часок выбежал позаниматься на спортивной площадке во дворе. Сделал три подхода подтягиваний на турнике, отжался на брусьях, попрыгал на скакалке, провел четыре раунда боя с тенью, под одобрительные взгляды бабушек, сидящих на скамейках у подъездов. Живот чуть побаливал, но я поблажек себе не давал. Возвращаясь, заглянул в свой тайник и занес бинокль в квартиру, пока родительница в гостиной болтала с кем-то по телефону.

Делал уроки, смотрел телевизор, получал удовольствие от общения с молодой и красивой мамой, слушая ее заразительный смех и наслаждаясь каждой черточкой родного лица.

Вместе с ней провели генеральную уборку дома и выбросили мусор. Потом я опять засел за уроки. Освободился только поздним вечером, когда уже пришло время спать.

11 сентября 1978 года. Понедельник

Проснулся я хорошо выспавшимся и полным энергии. Быстро позавтракал, оделся, схватил собранную еще вчера сумку, чмокнул довольную маму в щечку и выбежал на улицу.

Первый урок у нас английский. Прохожу в класс и сажусь за парту к Ане, игнорируя ее удивленный взгляд. Выкладываю учебник, тетрадь и пенал с ручками и карандашами. Пронзительный звук звонка заставляет одноклассников затихнуть и рассесться за парты. В класс входит Раиса Васильевна – англичанка. Миниатюрная и спокойная женщина никогда не повышает голос и не ругается, но слушаются ее беспрекословно.

– Good morning, class, – сухо здоровается она.

– Good morning, – отвечаем ей нестройным хором.

– So... Your homework was to write a text about UK. Who's ready to read the essay?

Наташа Бойко тянет руку, но Раиса ее подчеркнуто игнорирует. Ее взгляд останавливается на мне.

– Shelestov, are you ready?

– Yes, of course, – отвечаю я.

– Read your text. I'm listening to you.

– I'd rather tell in my own words, – предлагаю англичанке. Я знаю, что привлекаю к себе внимание, но делаю это осознанно. Мне нужно выделиться, завоевать авторитет у учителей и одноклассников.

Глаза Раисы удивленно округляются. Наступает пауза.

Наконец англичанка приходит в себя.

– Oh, very interesting. I'm listening to you, – она пристально смотрит на меня.

Ладно, получи, фашист, гранату. Этим языком я после школы очень плотно занимался. Два года встречался с девушкой – военной переводчицей. Она меня хорошо натаскала. И в военном училище у меня были отличные преподаватели. В Афгане я продолжал совершенствовать свои знания. Поэтому английский знаю достаточно неплохо и дома задание хорошо проштудировал. Выхожу к доске.

The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland is situated on the British Isles, – вдохновенно начинаю я.

Затем увлеченно рассказываю на английском о политической системе страны, королеве и палате лордов, политическом устройстве, национальностях, реках, горах и озерах, Тауэре и других достопримечательностях.

В классе стоит гробовая тишина. Стук учебника, выпавшего из рук пораженной Оли Сафронковой, звучит как выстрел. На меня смотрят десятки удивленных лиц. Даже Чванов,

увлеченно жевавший бутерброд, прикрывшись книгой, замер с набитым ртом. Он глядит на меня, выпучив глаза, роняя крошки на пол, только кусок батона с уголком колбасы торчит из-под надутых как у хомяка щек.

Заканчиваю свой спич несколькими предложениями о промышленности страны и умолкаю.

Англичанка неуверенными движениями руки нашаривает стул и медленно садится, ошарашенно смотря на меня.

– Шелестов, это невероятно, – выдыхает она, – у тебя чистейшее произношение. Где тебя за лето так натаскали? И откуда ты знаешь такие сведения об Англии?

Скромно пожимаю плечами.

– Знаете, как-то почувствовал интерес к языку. Вот и начал серьезно его учить. Информацию об Англии знал давно. У меня громадная библиотека, энциклопедии, я много читаю, да и отец всегда интересно рассказывал о других странах. Просто тщательно подготовился к вашему уроку.

– Садись, пять, – Раиса перешла на русский язык. Так всегда бывает, когда она взволнована.

До конца урока англичанка меня больше не трогала. Она мучила у доски Чванова, влепив ему очередную заслуженную двойку, спрашивала Волкова, проверяла домашнее задание у Бойко.

На протяжении всего урока я чувствовал интерес одноклассников и взгляды из-под длинных ресниц соседки по парте. Когда завершал звонок и Раиса разрешила классу собираться, ко мне подлетел оживленный Амосов.

– Ну ты даешь, Леша, – восхищенно кричит он, – как по-английски выдавал. А ведь еще недавно не знал ни черта. Может, ты шпион, а? А настоящий Шелестов сейчас сидит где-нибудь в застенках ЦРУ?

– Паша, не говори глупостей, – морщусь я. Надо уводить разговор в сторону от опасной темы.

– Ты лучше скажи, к НВП готов? Воевода обещал сегодня всех как следует погонять.

Радостное оживление на лице Амосова сменяется удрученной гримасой. Дмитрий Михайлович Самойлов, отставной армейский капитан, преподающий этот предмет у нас в школе, очень строг и требователен. Он может достать, как выражаются некоторые наши одноклассники, «до потери сознания» и раздает «двойки» направо и налево. Школьники называют его «Воеводой», раньше кто-то озлобленный на него пробовал прилепить к Самойлову кличку «Армейский дуб», но она не прижилась.

– Да как к нему подготовиться, – уныло бормочет Амосов, – глаза бы мои не видели этого НВП. Зачем он мне нужен? Я вообще врачом хочу стать.

– Ребята, пошли, – раздается сзади голос Ивана, – на алгебру не успеем.

Вместе с потоком одноклассников мы выходим из кабинета английского.

– Леш, мы сегодня опять тебя до дома проводим после уроков, – напоминает Волков, – мало ли что.

– Вань, можешь не беспокоиться. Думаю, Бык понял, что он не прав, и нарываться больше не будет, – отвечаю товарищу.

– Бык понял? – Волков даже останавливается, переваривая услышанное, и начинает кипеть негодованием. – Ты шутишь?!

Амосов тоже удивленно смотрит на меня и крутит пальцем у виска.

– Мне кажется, он раскаялся и все осознал, – хладнокровно отвечаю им. Играю на грани фола, могу вызвать ненужные вопросы, но делаю это сознательно. У меня имеются планы на этих ребят.

– Что, так и будем стоять? Пошли, мы на урок опоздаем, – предлагаю друзьям.

– Креститься надо, если кажется, – бурчит Иван, но послушно идет за мной вместе с Пашкой.

Химия, физика, алгебра и история пролетели незаметно. Меня никто не беспокоил, и я тоже предпочитал не проявлять инициативу. Шестым уроком был НВП.

Сегодня Воевода принес два «массогабаритных» макета АК-47, для сборки-разборки. Когда-то это были боевые автоматы. Но сейчас у них отсутствует боек и просверлен ствол.

У доски маются Поляков и Чванов. Преподаватель стоит над ними с секундомером и дает команду. Глядя на Сережу и Сашу, вертящих автоматы и судорожно дергающих затворную раму и магазин, не могу удержаться от широкой улыбки. Мое выражение лица моментально замечает насуспенный Дмитрий Михайлович.

– Я вижу, Шелестову смешно, – саркастически замечает он, – ну что же, Леша, раз тебе так весело, как сын офицера, покажи пример этим оболтусам.

Я иду к столу. Чуть отталкиваю плечом замешкавшегося Полякова. Класс с интересом наблюдает за мной. Подвигаю к себе макет автомата, лежащий на столе.

– Я готов, – уведомляю Дмитрия Михайловича.

– Начали, – Воевода жмет на кнопку секундомера. Быстро хватаю автомат. Удерживаю его левой рукой за цевье, правой – обхватываю магазин. Одним движением ладони отжимаю защелку. Отделяю магазин. Опускаю предохранитель. Передергиваю затвор и имитирую «контрольный» выстрел в потолок. Спускаю курок с боевого взвода. Нажимаю пальцем на крышку гнезда приклада. Пружина выталкивает пенал. Раскрываю его и достаю ершик, шпильку, выколотку, отвертку и протирку.

Ударом ладони чуть наискосок выбиваю шомпол. Отсоединяю крышку ствольной коробки, нажимая на держатель пружины. Через секунду на столе появляется возвратный механизм, а потом затворная рама. Быстро отделяю от нее затвор. Последнее действие – поднимаю флажок и достаю газовую трубку. Все – разборка (она считается «неполной», но именно ее мы проходили на НВП) завершена.

– Одиннадцать секунд, – Воевода лучится довольной улыбкой, – это на четыре секунды превышает армейский норматив. Молодец, Шелестов. У отца в части тренировался?

– Есть немного, – скромно признаюсь я. Не говорить же ему правду. Смешно получится. «Да нет, товарищ военрук, окончил военное училище, успел повоевать в Афганистане и дослужиться до капитана». Представляю обалдевшие глаза Воеводы. Обследование у психиатров мне после такого заявления гарантировано.

– Теперь сборка, – азартно командует Дмитрий Михайлович. – Готов?

– Готов, – киваю я.

– Пошел!

Мои руки быстро двигаются, соединяя части АК-47. Все движения выполняются автоматически. Одноклассники, затаив дыхание, наблюдают за моими манипуляциями. Сборка макета занимает 20 секунд.

– Учитесь, ребята. Алексей – уже почти настоящий солдат, – наставительно говорит Воевода, – ему уже можно доверить защиту Родины. По крайней мере, с автоматом он уже умеет обращаться лучше некоторых военнослужащих.

– Шелестов, пять. Молодец. Давай дневник.

Сопровождаемый завистливым взглядом Чванова и злобным Полякова, передаю военнику дневник. Напротив графы НВП возникает размашистая «пятерка». Я ее честно заслужил. Но в душе немного смешно от ирреальности происходящего, школьный учитель ставит боевому офицеру пятерку по начальной военной подготовке. Обхохочешься. Если бы кто-то раньше такое рассказал, принял бы за хороший анекдот.

НВП – последний урок. После звонка я собираю сумку и в сопровождении Волкова и Амосова иду домой.

Возле входа меня уже ждут Мансур и Смирнов. В сопровождении «почетного» эскорта выхожу на улицу.

– Лех, может, ближе к вечеру пройдемся в кино. В «Советском» сегодня «Мститель» начинают показывать с Риши Капуром. Говорят, интересный фильм. Там он с бандитами сражается, убившими его отца, – предлагает Амосов.

Мое лицо на долю секунды кривится в пренебрежительной гримасе, но тут же принимает обычное выражение. Индийские фильмы. Какими же примитивными они кажутся сейчас. Постоянные песни, нелепые драки, смешные повороты сюжета, глупые диалоги. А ведь когда-то с увлечением их смотрел и бурно обсуждал приключения Раджа и Риши Капуров с однокурсниками. В конце 80-х в страну хлынул поток западных боевиков, комедий, фантастики и мелодрам. Они транслировались в повсеместно открывавшихся видеосалонах. Тогда это было как глоток свежего воздуха, появление чего-то нового яркого и красивого в мире кино. С тех пор я индийские фильмы не смотрел. Они вызывали интерес только на фоне отсутствия альтернативы, а также подобной продукции в советском кинематографе. Конечно, были и у нас интересные экшн-картины: «Пираты XX века», «Приключения неуловимых», «Место встречи изменить нельзя» и некоторые другие. Но их было не так уж и много, и появление каждого такого фильма становилось событием.

Баня, сумевший заметить мелькнувшую гримасу, пристально смотрит на меня. Делаю вид, что не замечаю его взгляда.

– Не, ребят, сегодня не смогу, – отказываюсь с показным сожалением, – у меня сегодня тренировка.

– У меня тоже, – поддакивает Мансур.

– Тогда, может, завтра? – предлагает Паша. Ему очень хочется посмотреть «Мстителя». Вон как глаза горят. А одному идти скучно.

– Завтра тоже не получится, – отвечаю, вздохнув, – у меня отец из командировки приезжает. Я его уже пару недель не видел.

– А давайте в среду? – не сдается Амосов.

– В принципе можно, – откликается Мансур, – у меня день более-менее свободен. Ребят, вы как?

– Я готов, – подтверждает Смирнов.

– У меня ничего на среду тоже не запланировано. Отдыхаю от тренировок, так что я за, – откликается Волков. – Лех, а ты как?

– Поживем – увидим, – уклоняюсь от прямого ответа. – Давайте вернемся к разговору во вторник. Может, даже не в кино ходим, а в другое место или просто погуляем.

Разговаривая, выходим за территорию школы. Замечаю худенькую фигурку в сером пальто. Аня Николаенко. Рядом с ней семенит, забавно перебирая толстенькими ножками, маленькая и полненькая Даша Одинцова. Она тоже учится в нашем классе. Если бы я не знал Аню, то думал, что она дружит с Дашкой, чтобы подчеркнуть контраст между собой и подругой. Еще в той первой жизни, ухаживая за многими привлекательными девушками, замечал, что ближайшие подруги у них невзрачные и серые мышки. На этом фоне красавица выглядела просто умопомрачительно, ненавязчиво подчеркивая свою великолепную внешность. Да и подругу всегда можно использовать. Это прекрасный инструмент для доведения кавалера до нужной «кондиции», чтобы разжечь в нем страсть или просто получить удовольствие от поддразниваний. Ходить на свидания с подружкой, сажать ее между собой и ухажером, постоянно вовлекать в разговор, не давая настроиться на «нужную волну», – такие действия очень повышают женскую самооценку и позволяют ощутить удовольствие от эмоций парня. Правда, уже после училища я быстро подобных красоток обламывал. Все очень просто. Если девушка приходила на свидание не одна, то я, пообщавшись с ней минут двадцать, быстро прощался,

со словами: «Ну, не буду вам мешать, будешь свободна, позвони». Только в исключительных случаях, когда красотка вызывала немалый интерес, мог разок погулять втроем.

Но Николаенко на такие выверты не способна. С Дашкой она просто дружит, по зову души.

– Ребят, я мне нужно Ане пару слов сказать, подождите минуточку, – прошу товарищей.

Под понимающими взглядами Мансура, Смирнова и Волкова и насмешливым Пашки окликаю Николаенко. Она разворачивается, Одинцова глядит на меня с любопытством, Аня – со спокойным ожиданием.

– Даш, мне нужно с твоей подружкой поговорить. Ты не могла бы оставить нас вдвоем на минутку?

Одинцова с готовностью кивает, отходит на несколько шагов и замирает в ожидании.

– Что ты хотел, Шелестов? – Николаенко вопросительно смотрит на меня. Надо быстрее приступить к разговору, чтобы не утонуть в этих зеленых омутах.

– Ань, Быков больше не будет тебя беспокоить. Он все понял и искренне раскаялся в своих поступках, – чувствую переизбыток пафоса и нотки фальши в своем голосе и мысленно морщусь.

Ну а что ей говорить? «Я сломал Быку и его товарищу ноги, нанес тяжкие телесные повреждения и пообещал слить информацию о проделках уроков в милицию...» И зловеще захохотать, как киношный злодей. К такому сюрреализму она точно не готова.

– Да что ты? Прямо так и раскаялся? – В зеленых глазах мелькают веселые искорки. – Шелестов, я похожа на дуру?

– Аня, я правду говорю. Мы с ним пообщались, и он осознал свою неправоту. Он тебя доносить не будет. Можешь встречаться с кем угодно, когда захочешь, Антон больше никого не тронет.

– Ага, Быков раскаялся, залил слезами твою куртку, решил вступить в комсомол и уезжает строить БАМ, – в голосе Николаенко явственно звучат издевательские нотки. – Наверно, я действительно похожа на дурочку.

– Ладно. Это все, что я хотел тебе сказать, – неловко переминаюсь с ноги на ногу, – сама увидишь. Я пошел. Меня ребята ждут. Пока.

Разворачиваюсь и иду к ожидающей меня компании.

– Шелестов, – окликает меня Аня.

Я поворачиваюсь.

– Знаешь, Леша, а ты сильно изменился, – девушка задумчиво рассматривает меня, – во всем причем. Ходишь с развернутыми плечами, прямая осанка. Я бы даже сказала, у тебя военная выправка. Не бегаешь, не кричишь и не носишься на переменах, как другие. Даже говоришь, смотришь и держишься по-другому. Знанием английского вообще всех нас поразил, а ведь раньше и близко им так не владел. Такое впечатление, что это не ты, а кто-то другой, гораздо взрослее и умнее.

Чувствую, как начинают пламенеть уши. Это не Николаенко, а Шерлок Холмс в юбке. Надо заканчивать разговор и уходить, пока она меня не расколола.

– Ань, все мы растем и меняемся. Я просто сильно повзрослел за это лето, много читал и думал, – сухо отвечаю девушке, – извини, мне пора.

– Пока, Шелестов, – кивает Аня. Задумчивое выражение в ее глазах никуда не исчезает. Наоборот, оно усиливается. – До завтра.

Киваю Николаенко и иду к парням. Дашка уже бежит к Ане и теребит ее, нисколько не стесняясь нашей компании. Представляю, какой повод для сплетен образовался. Обсуждать одноклассников Одинцова любит и находится в приятельских отношениях со всеми девочками класса. Впрочем, плевать. Я уже вырос из этих детских игр.

Ребята доводят меня до подъезда. Я прощаюсь со всеми и через пару минут уже оказываюсь дома. Читаю традиционную мамину записку о супе, гречке и курице в холодильнике. Разогреваю пищу, без аппетита обедаю, бреду в свою комнату. Со вздохом берусь за уроки. Через полчаса откладываю учебник по физике в сторону. Смотрю на настенные часы. 15:40. До тренировки время у меня еще есть. Надо действовать. Быстро накидываю на себя куртку, надеваю туфли. Через минуту уже щелкает дверной замок, закрывая входную дверь.

Спускаюсь вниз. Старушки, болтающие на лавочке у подъезда, замолкают, когда я выхожу из дома. Игнорируя их любопытные взгляды, иду в соседний подъезд. Поднимаюсь на второй этаж и останавливаюсь возле двери, обитой черным дерматином. Квартира 154. Собираюсь с мыслями, продумывая в голове все варианты разговора. Мой собеседник должен видеть во мне искреннего, эмоционального подростка с чистыми помыслами и желанием изменить положение к лучшему. Я не люблю лицемерить и притворяться. Но придется. От успешности моих дальнейших шагов зависят жизни миллионов людей, преданных, оболганных, погибших в локальных конфликтах, изгнанных из своих родных краев и умерших в лихие 90-е. Чтобы получить шанс сохранить свою Родину – СССР, мне понадобится сделать все возможное и даже невозможное. А сейчас для реализации своих планов мне придется быть максимально убедительным, но в то же время не выйти из образа. Глубоко вдыхаю, как перед прыжком в воду. Древние китайские мудрецы говорили: «Дорога в тысячу ли начинается с одного шага». Поехали.

Утапливаю палец в кнопку звонка. Слышу неторопливые шаги внутри. Через минуту дверь открывается. На пороге стоит седой мужчина лет шестидесяти, серые, немного выцветшие глаза внимательно смотрят на меня. – Здравствуй, Алеша, – здоровается он.

– Добрый день, Леонид Романович, позволите войти? – вежливо интересуюсь я.

– Заходи, конечно, – он отходит чуть в сторону, освобождая мне дорогу.

Через минуту мы уже сидим на кухне. На конфорке кипятится полный чайник. В ожидании напитка на столе стоят две пузатые фарфоровые чашки на блюдечках с голубыми ободками. Рядом примостились сахарница и небольшая тарелочка с конфетами и печеньем, выставленная на стол радушным хозяином.

Леонид Романович Шаховский – ветеран Великой Отечественной войны. Он прошел ее всю, от первого до последнего дня. Я даже не подозревал, сколько у него наград, пока не увидел своего соседа 9 мая, идущего на встречу с ветеранами. Весь пиджак был в наградах, слева сверху сияла золотистым блеском звезда Героя Советского Союза, чуть ниже пламенел развевающимся стягом с надписью «Пролетарии, всех стран соединяйтесь!» орден Красного Знамени. Среди множества других наград я также заметил медали «За взятие Берлина», «За оборону Сталинграда» и «За отвагу».

Тогда, рассмотрев их на тихом и скромном Леониде Романовиче, я даже немного растерялся. Мне сразу вспомнилось, как уважительно здороваются с ним окружающие, и даже любящий «закладывать за воротник» и побуянить дядя Миша беспрекословно прекращает дебоши, услышав укоризненный спокойный голос ветерана.

Ко мне сосед относился отлично. Он находился в приятельских отношениях с моими родителями, даже пару раз был в гостях у нас дома. Я общался с ним на разные темы, рассказывал о своих школьных и спортивных делах, даже получил от него пару подарков – книг из его личной библиотеки.

В 1992 году Шаховский умрет. Крушение страны, за которую он сражался, строил и восстанавливал после войны, оказалось для него большим стрессом, подтолкнувшим к обширному инфаркту. Похороны ветерана организовывались властями и военными. На них присутствовали представители Министерства обороны и мелкий чиновник из городской администрации. Печально играл траурный марш оркестр, и лишь троекратный залп из АК-74 почет-

ного караула в холодный осенний день звучал пронзительным реквиемом по Леониду Романовичу.

В последний путь кроме военных и чиновника его провожали лишь несколько стариков из нашего дома и пара ветеранов. Родственников у Шаховского не было, родители давно умерли, брат погиб на фронте, а жена с дочкой попали под бомбежку при эвакуации из Харькова. Второй раз Леонид Романович так и не женился.

– Леша, я тебя слушаю. Ты что-то хотел или просто пришел поговорить со стариком? – реплика соседа прерывает мои раздумья.

– Хотел, – смущенно признаюсь, – я к вам вообще-то зашел по делу.

– Излагай, чего тебе понадобилось? – доброжелательно улыбается Шаховский.

– Расскажите нашему классу о войне, – тихо прошу Леонида Романовича.

Улыбка сползает с лица ветерана. Серые глаза пристально смотрят на меня:

– Зачем тебе это надо, Алексей?

– Леонид Романович, это нужно всем, и живым, и вашим боевым товарищам, погибшим на этой войне. У меня, как вы знаете, отец полковник, а дед – генерал. Я воспитан на подвигах Великой Отечественной. Но мои одноклассники и вообще все школьники родились уже в мирное время. Они выросли в благополучной, мирной и отстроенной после жуткой войны стране. Молодежь не ощутила на себе все величие и грандиозность прошедшей эпохи. И знаете, для многих из них празднование Дня Победы стало уже привычным. Я не хочу сказать, что это плохо, наоборот, хорошо, что мы отмечаем этот праздник. Меня тревожит другое. Вижу, что многие одноклассники зевают на политинформациях, уроках истории, при рассказах о подвигах советских солдат. Для них это уже стало во многом формальными мероприятиями, которые даже слегка поднадоели.

Я хочу, чтобы ребята из моего класса послушали рассказ участника войны, прониклись ее духом и поняли, с каким врагом пришлось столкнуться СССР и от чего их спасли. Передачи и торжественные мероприятия это все-таки немного другое, они уступают по убедительности живому рассказу очевидца.

Леонид Романович останавливает меня жестом, разливает заварку по чашкам. Он встает, берет закипевший чайник. Горячая вода льется в наши чашки, поднимая вверх клубы пара.

Поставив чайник на плиту, он снова поворачивается ко мне.

– Удивительно, – помолчав, произносит ветеран, – такие мысли у шестнадцатилетнего юноши. Это просто невероятно. Я многое повидал в жизни. Меня сложно удивить. Но вам, Алексей, это удалось. Продолжайте.

Ага, отмечаю про себя, ветеран уже «на вы» перешел, и Леша уже в Алексея превратился. Хорошо, значит, у меня все получится.

– Да в принципе всё, – пожимаю плечами, – я хочу снять с них налет безразличия, затронуть их души и заставить задуматься, а смогли бы они вот так сражаться в самых невероятных условиях, держать оборону в огненном аду, пережить гибель друзей и близких и, главное, победить такого врага, несмотря ни на что? Пусть одноклассники посмотрят на войну вашими глазами, человека, который прошел ее всю, от начала и до конца. Я надеюсь, что они поймут, какой ценой нам досталась победа. Верю, это осознание заставит многих измениться и стать лучше. А значит, если наступит миг, когда нашу Родину придется защищать снова, они не останутся равнодушными.

– А дед вас чем не устраивает? У него это получится гораздо интереснее и убедительнее. Все-таки генерал, и в войну тоже не в тылу отсиживался.

– Дед в Москве живет и сюда пока приезжать не планирует, – спокойно объясняю Леониду Романовичу ситуацию, – а так бы, конечно, к нему обратился.

Молчание. Я спокойно смотрю на собеседника и жду ответа. Леонид Романович встает и подходит к окну. Его глаза смотрят куда-то вдаль. Мысленно он сейчас находится далеко.

Где-то на полях сражений Великой Отечественной. Наконец его голос нарушает повисшую над кухней тишину.

– Знаете, Алексей, – задумчиво говорит ветеран, – я, наверно, плохой рассказчик. Не люблю вспоминать войну. Некоторые моменты заставляют снова болеть сердце. Слишком многое я видел, и погибшие друзья и близкие до сих пор стоят перед глазами. Но вы абсолютно правы и мыслите верно. Рассказывать об этом нужно, чтобы знали и помнили. Молодежь должна сохранить память о погибших и этом страшном, но героическом времени. Поэтому я постараюсь. Можете на меня рассчитывать.

– Большое вам спасибо, – я очень рад ответу Шаховского. Все пока идет по нужному мне сценарию.

– Уточню время с нашим классным руководителем и согласую его с вами. Договорились? Протягиваю ему руку, предлагая скрепить наше соглашение рукопожатием. В глазах Леонида Романовича мелькает удивление.

– Вы все-таки очень необычный молодой человек, – замечает он, – договорились.

Ладонь пожилого, но еще довольно бодрого мужчины сжимает мою, подкрепляя сказанное.

11 сентября 1978 года. Понедельник

На тренировку к Семеновичу я все-таки опоздал. Минут на десять. Даже немного расстроился, представляя, что Зорин сейчас посоветует приходить вовремя и отправит меня обратно. Но этого, к моему удивлению, не произошло.

Пока я смущенно топтался возле входной двери, ожидая неутешительного вердикта тренера, ребята и Вероника разминались под предводительством Сереги Мальцева. Они совершали круговые движения корпусом, подпрыгивали, высоко подбрасывая колени, кувыркались и совершали махи руками.

– Чего стоишь? Беги переодеваться, – командный голос Семеновича, неожиданно вышедшего из «тренировочной», заставляет меня встрепенуться и радостно броситься в раздевалку.

Быстро переодеваюсь и выскакиваю в зал. Ребята уже стоят в парах. Отрабатывают классическую связку, боксерскую двойку и передний «маваши» по печени. Вероника работает на мешке, недовольно поглядывая на меня.

– Разминайся в темпе, – бросает наставник, – у тебя есть три минуты.

Семенович поворачивается к ребятам, а я усиленно разогреваю мышцы и связки. Три минуты пролетают быстро.

– Готов? – уточняет Зорин.

Молча киваю в ответ.

– Отлично. Нет, ты пока побей мешок, – сэнсей останавливает направляющуюся ко мне Веронику. Она фыркает, но вслух выражать недовольство не торопится. Приказы наставника здесь не обсуждаются.

– Ребята, – Семенович громко хлопает в ладоши, привлекая внимание, – вольный бой в стойке. Включаем голову, ищем возможности раскрыть и достать противника. Используем ударную технику единоборств и бокса. Работаем в легкий контакт. Остановка по моей команде. Шелестов, ты в паре со мной. Готовы? Поехали!

Группа начинает спарринги. Семенович берет в рот капу, надевает боксерские перчатки и отходит со мной в свободное место. Я тоже полностью готов к бою.

Наставник начинает неожиданно. Он прыжком покрывает пару метров, разделяющих нас. Его кулак «стреляет» в мое солнечное сплетение. Еле успеваю заблокировать его сбивающим движением перчатки, и тут же получаю следующий удар – «маваши» в челюсть. Каким-то чудом, инстинктивно перекрываюсь предплечьем и отпрыгиваю назад, разрывая дистанцию.

Но Зорин не дает мне этого сделать. Он продолжает движение вперед и аккуратно тюкает меня прямым в подбородок, обозначая удар. Один – ноль. Тяжелая у него все-таки лапа. Семенович работает со мной очень аккуратно и легко, но его попадание я прочувствовал. Сэнсей продолжает, не останавливаясь на достигнутом. Обманчивым движением обозначает джеб в лицо, заставляя мои руки взметнуться в защитном блоке, и достает меня «футбольным» ударом внутренней частью стопы по голени. Два – ноль. В глазах наставника мелькает усмешка. Это меня не на шутку заводит. Понятно, что в реальном бою шансов против него нет, но отыграться я все-таки попытаюсь.

Изображаю растерянность и начинаю пятиться назад. Игорь Семенович атакует меня двухударной комбинацией. От прямого правого в голову я защищаюсь уклоном корпуса, левый апперкот по печени блокирую подставкой локтя, скручиваясь за сведенными вместе руками. Наставник смещается налево, подбирая место для следующей неожиданной атаки. Одновременно с ним ухожу сайд-степом направо и, разгибаясь, достаю Семеновича коротким боковым по челюсти. Два – один.

Наставник останавливает бой движением перчатки, выплевывает капю на руку и командует группе «Стоп».

– Молодец, подловил, – негромко говорит мне Семенович. Он стягивает перчатки и поворачивается к парням.

– Отрабатываем бросок через бедро, поочередно в парах. Делаем все в высоком темпе, без перерывов. Время – четыре минуты, – в руках у сэнсея уже блестит секундомер. – Пошли!

– Шелестов, ты выполняешь упражнение с Вероникой, – уточняет Семенович, – но работаете так, ты два броска подряд, она – один. Все понятно?

– Да, – подтверждаю я.

Занятие продолжается по привычному сценарию. Отрабатываем борцовские приемы в стойке, ударные комбинации по «точкам», таскаем друг друга на спинах, отжимаемся на кулаках, тренируем болевые и удушающие в партере. Как пролетели два часа, я даже не заметил. Зато мое кимоно промокло от пота насквозь. Хоть выжимай его прямо в раздевалке.

Когда время тренировки заканчивается, Семенович отпускает группу переодеваться. Я дожидаюсь, когда парни скинут с себя кимоно и самбовки и убегут мыться в душ. Иду в тренерскую к наставнику. Зорин читает «Красную Звезду». Рядом с ним на столике дымится чашка чая. При моем появлении газета откладывается в сторону.

– Садись, – мне небрежным жестом указывают на стул рядом. – Чаю будешь?

– Нет, спасибо, – решительно отказываюсь. – Игорь Семенович, мне с вами надо поговорить.

– Я уже понял, – усмехается наставник. – Слушаю тебя.

Начинаю излагать Семеновичу свой план. Глаза тренера изумленно расширяются.

– Сам придумал? – интересуется сэнсей.

– Да, – подтверждаю его предположение. – Ну как, возьметесь?

– Да я не против, – задумчиво говорит он, – мысль хорошая, нужная. Но так это не делается. Надо получить разрешение райкома комсомола или партии. И очень важно «правильно подать» эту инициативу.

– Я думаю, с этим проблем не будет, – убеждаю тренера. – Завтра приезжает мой отец. Я с ним поговорю. Уверен, он нам поможет. Если возникнут какие-то сложности, подключу «тяжелую артиллерию» – деда. Думаю, все у нас получится.

– Хорошо, – кивает Семенович, – если у властей не будет возражений, считай, мое согласие у тебя есть. Думаю, с остальными вопросами твои родственники смогут нам серьезно помочь.

Обсудив все нюансы и дополнительные моменты, прощаюсь с тренером. Иду домой, вдыхая свежий воздух вечернего города. Окна девятиэтажек светятся теплым золотистым светом.

Навстречу попадают шумные компании молодежи, люди, идущие по своим делам. У большинства из них открытые, приятные лица. Они уверены в своем завтрашнем дне, мирной жизни, и не испытывают беспокойства за свое будущее. Разительный контраст с началом 90-х. Тогда заморозили вклады на сберкнижках, начались проблемы с выплатами зарплат на фабриках и заводах, закрывались НИИ, сидели без денег многочисленные государственные предприятия, разом обнищали пенсионеры. За исключением вороватых чиновников, некоторых предприимчивых граждан, окупившихся в мелкий и средний бизнес, а также коммерсантов, делающих деньги на коррупционных схемах, большинство народа испытывало проблемы даже с заработком минимальных средств, необходимых для относительно нормального питания. Многих пожилых людей тогда спасали дачи с огородами. Но на лица большинства населения уже легла мрачная печать усталости и безразличия. Атмосфера злобы, раздражительности, взаимной ненависти витала в общественном транспорте, на станциях метро и городских улицах. Поэтому начавшееся противостояние парламента с Руцким и Хасбулатовым во главе и Ельцина с его «молодой командой демократов», с другой стороны, привлекло так много народу. Подавляющее большинство сторонников Белого дома отправились защищать не холеных чиновников, тоже внесших свой вклад в развал СССР. Они пошли сражаться против того беспредела, популизма, нарушений законов, коррупции и воровства государственной собственности, которые олицетворяли Ельцин с компанией приспешников.

И я сделаю все, чтобы сохранить Родину и избавить людей от будущих потрясений, войн и катаклизмов. Не знаю, получится ли у меня предотвратить падение страны в пропасть? «Озарение» в первый день помогло мне увидеть цельную картину происходящего. Закостенелая и уже порядком надоевшая партийная пропаганда, вызывающая уже не столько смех, сколько раздражение у значительной части населения, зажавшаяся партийная верхушка из глубоких старцев, постепенно впадающих в маразм. А еще есть теневые дельцы в некоторых регионах, уже крепко слившиеся с властью, мощная пропагандистская машина и спецслужбы Запада, работающие на развал своего идеологического противника, диссиденты, расшатывающие систему изнутри. Слишком много факторов против одиночки, желающего остановить разрушение государства, обусловленное определенными общественными процессами и ходом истории. И это еще не говоря о предателях на самом верху – в Политбюро.

Но... «Делай, что должен, и будь, что будет». У меня появилась возможность попробовать что-то изменить. Выполнить свою присягу и строки устава: «Военнослужащий Вооруженных сил СССР есть защитник своей Родины – Союза Советских Социалистических Республик», которые я, пусть невольно, но нарушил. И сейчас я отдам все силы, чтобы это исполнить. Я – последний солдат СССР, имеющий шанс повернуть в обратную сторону маховик истории.

Занятый своими мыслями, я не замечаю, как добираюсь до дома. После краткого общения с мамой за ужином, дежурных ответов на вопросы о школе и тренировке падаю в постель. Хочу как следует выспаться. Завтра предстоит важный разговор с отцом, мне нужна свежая голова.

12 сентября 1978 года. Вторник

– Представляешь, Быка и Трофима поломали, – возбужденно частит Пашка, – у одного перелом ключицы и переносицы, у другого – голени. Они сейчас в первой больничке лежат. У меня там сестра работает. Заходит на этаж травматологии, а там оба этих красавца с печальными рожами лежат в гипсе. Говорит, отбили их хорошо. К ним даже следователь приходил.

Так я и думал. Уже милиция засуетилась. Но меня они не должны сдать. Слишком много об этих моральных уродах знаю. А в колонию отправляться на несколько лет они не захотят. Думаю, ситуация пока под контролем.

– И что, узнали, кто их так? – изображаю слабый интерес к проблемам отморожков.

– Не знаю, – Паша пожимает плечами, – моей сестре, сам понимаешь, об этом никто не докладывает. Но мент злой из палаты вылетел. Ругался матом.

Это хорошо, что злой. Похоже, сязки с ним держатся, как партизаны на допросе в гестапо. Не спешат откровенничать. Значит, я все правильно рассчитал.

– Ты, Лешка, везунчик, как-то все очень вовремя произошло, – продолжает свой спич Амосов, – теперь им долго не до тебя будет.

– Кто ищет приключений, тот всегда находит их на свою голову, – флегматично отвечаю товарищу, – закон жизни.

– Интересно, кто их так? – задумчиво произносит Волков. – Вроде у них был какой-то конфликт с зареченской шпаной. Но те вроде не должны, жидковаты больно против Быка выступать.

– Да какая разница, Вань? – хлопаю его по плечу. – Побили уродов, ну и черт с ними. Меньше головной боли. Пусть лечатся, может, поумнеют хоть немного.

Пронзительно верещит звонок.

Через минуту мы уже в кабинете химии. Алина Петровна что-то рассказывает о предельных углеводородах, но я учительницу не слушаю. Выстраиваю в голове линию защиты, если милиция все же получит сведения обо мне, обдумываю, как буду реализовывать свой дальнейший план действий.

Посреди урока открывается дверь. В кабинет заходит завуч. Нина Алексеевна окидывает взглядом класс. Ее глаза останавливаются на мне. Она что-то тихо говорит, вплотную подойдя к химичке. Та так же негромко отвечает.

– Шелестов, подойди, – повелительным тоном приказывает завуч.

Послушно иду к ним под заинтригованными взглядами одноклассников. Такие визиты и просьбы мне не нравятся. Подозреваю, что этот визит связан с разборкой в гаражах.

– Алексей, пойдем со мной, – командует Нина Алексеевна.

Выходим из класса и идем к ее кабинету. Там уже стоит, широко расставив ноги, крепкий парень лет двадцати семи в потертой кожаной куртке. Его сомкнутые на животе руки сжимают дерматиновую коричневую папку. Он сразу вонзает в меня свой цепкий тяжелый взгляд.

Мои ожидания неприятностей оправдываются. Чувствую неприятный холодок в сердце. Мне не нужно гадать, кто это. Профессия уже четко отпечаталась на его лице. Вот и милиция сюда пожаловала. Это опер – сто процентов. За свою прошлую жизнь я научился моментально определять работников органов. Характерные взгляды и поведение не скроешь.

Лихорадочно прокручиваю линию поведения и выстраиваю возможные сценарии разговора. Видимо, информация о моей разборке с отморозками все-таки просочилась к оперу.

Завуч заходит в приемную, игнорируя вставшую секретаршу, открывает ключом кабинет и жестом предлагает нам пройти. Середину небольшого помещения захватил стол с несколькими стульями, на шкафу и подоконниках множество цветов в красивых разноцветных горшочках. Все блестит стерильной чистотой. Видно, что Нина Алексеевна тщательно следит за этим.

– Алексей, с тобой хочет поговорить товарищ милиционер, – отрывает меня от разглядывания кабинета завуч.

– Максим... эээ... – она вопросительно смотрит на мужчину.

– Иванович, – подсказывает ей опер. – Нина Алексеевна, можете оставить нас с Шелестовым на несколько минут. Хочу с ним поговорить наедине.

Завуч что-то хочет сказать, но передумывает. Она недовольно поджимает губы и, гулко стуча каблучками, выходит из кабинета.

– Слушаю вас, товарищ милиционер, – безмятежно смотрю в глаза оперу, показывая, что мне скрывать нечего.

– Ты ничего не хочешь мне сказать, Шелестов? – опер в ответ сверлит меня тяжелым взглядом. – Хорошо подумай, прежде чем ответить. От этого зависит твоя дальнейшая судьба.

– А что я должен вам ответить, Максим... эээ... – копирую интонации завуча. Понимаю, что это неправильно, но не могу отказать себе в удовольствии немного поддразнить работника милиции.

– Иванович, – шипит опер, продолжая буравить меня глазами.

Смотрю на него спокойно и безмятежно. Знаю я все эти ваши штучки. Ребенка ты бы мог взять на испуг. Меня не получится.

– Значит так, – милиционер перестает прессовать меня взглядом и становится деловит. – Быкова и Трофимова в субботу вечером избили за гаражами, на Балковой. Оба сейчас лежат в больнице с тяжкими телесными. У одного перелом ключицы и переносицы, у второго – сломано запястье и голень, не говоря уже о гематоме в области мошонки. Быков и Трофимов дали показания против тебя.

– Бред какой-то, – спокойно отвечаю я. Не могли меня сявки сдать. Они лежат вместе в одной палате. Колоться в присутствии кореша милиционеру? Тем более что я тоже могу про них очень много интересного рассказать. Не верю. Думаю, если гопники меня заложили, то разговаривали мы бы не здесь, а в отделении, под официальный протокол допроса. Что-то тут не то. Но откуда опер мог об этом узнать?

– Поговори еще у меня тут, – прикрикивает на меня работник милиции.

Его пятерня лезет в карман куртки и извлекает ручку, вытаскивает из папки листок бумаги и протягивает его мне.

– Пиши чистосердечное признание. О том, как избил Быкова и Трофимова, куда дел оружие преступления, кто соучастники. Излагай все подробно и последовательно. Можешь рассказать устно, я все сам напишу, но потом придется подписать свои показания.

– Простите, товарищ милиционер, можно глянуть на ваше удостоверение, – прошу опера. Инспектор упомянул соучастников. Но их не было! И Бык с Трофимом не могли такое сказать. Еще раз убеждаюсь, что дело нечисто.

Лицо милиционера багровеет, но он кладет папку на стол, достает из кармана красную корочку, раскрывает ее и держит у меня перед глазами. В глаза бросаются крупные буквы «Министерство внутренних дел СССР». Опускаю глаза ниже, игнорируя служебный номер удостоверения. Ага, «старший лейтенант Максим Иванович Омельченко, инспектор уголовного розыска».

– Товарищ старший лейтенант, я не пойму, чего вы от меня хотите? Рассказываете какую-то чепуху о том, что я избил двух известных хулиганов. Кстати, вы говорили, что они дали показания на меня. Можно их посмотреть?

На лице опера мелькает досада. Что, не получилось подростка на испуг взять?

– Все бумаги у меня в кабинете, – недовольно бурчит он.

– Тогда приглашайте меня официально. Повесткой. Показывайте материалы, предъявляйте обвинение или привлекайте как свидетеля. К чему эти разговоры в кабинете у завуча? – осведомляюсь у инспектора.

– Что-то ты сильно грамотный, Шелестов, – ворчит Максим Иванович.

– Какой есть, сериал «Следствие ведут знатоки» и передачу «Человек и закон» регулярно смотрю, – скромно пожимаю плечами.

Гляжу на милиционера. Его лицо на секунду расплывается перед моими глазами. Накатывает очередное озарение. Наконец-то. Мне становится все понятно.

– Максим Иванович, Быков и Трофимов не могли вам ничего сказать. Потому что это бред. Подумайте на минутку. Школьник расправляется с двумя отпетыми хулиганами. Вам самому не смешно такое озвучивать? Уверен, что это кто-то просто наговорил на меня. Думаю, вы и сами в глубине души это понимаете. И сильно суетиться по этому делу не собираетесь.

Тем более что я сомневаюсь, что пострадавшие написали заявления. Наверно, они все-таки получили по заслугам и своими прошлыми «подвигами» уже достали милицию. Думаю, что кто-то из их окружения просто сказал вам эту глупость специально, может, желая выслужиться или просто сделать мне гадость. Подозреваю, что вам просто стало интересно. Поэтому вы и пришли в школу, и устроили в кабинете завуча эту сцену. Вдруг прокатит? Кстати, вы не подумали, как это выглядит со стороны? Пришли сюда, принуждаете школьника признаться в преступлении, которого он не совершал. Нехорошо, товарищ Омельченко. Думаю, что ваше начальство будет очень недовольно таким самоуправством.

Милиционер отводит взгляд. Ага, вот я тебя и поймал. Отморозки не раскололись. Они даже дружкам своим особо ничего не рассказывали. Только Трофим не вытерпел и проговорился своему близкому корешу «по секрету», при этом наврал, что я был не один, чтобы не позориться. Придурок. Тот, естественно, оказался милицейским информатором, личной «связью» товарища Омельченко. Молодой опер получил сведения от своего «подопечного» и решил проявить инициативу. Так вообще-то не делают, но он думал, что легко расколется ребенка. Прокололся товарищ старший лейтенант. Кстати, насчет стукачка надо будет с ним побеседовать. Пусть на меня поработает немного.

– Не советую вам даже озвучивать эти бредни. Над ними будет смеяться все РОВД, – добиваю его я, – а фантазеру, который влил вам в уши это фуфлю, рекомендую дать по роже.

Омельченко молчит. Потом опять поднимает глаза на меня. Пристальный взгляд буквально пронзает меня насквозь. Характер все-таки у него есть.

– А ты не такой простой, Шелестов, – медленно говорит он. – Я буду за тобой присматривать. На этих уроков мне наплевать. Они давно напрашивались. Но не переходи границы, понял?

– Не понимаю, о чем вы говорите, товарищ милиционер, – мои глаза излучают искренность, – вы меня с кем-то перепутали. Я не преступник. Не нарушал и не собираюсь нарушать наши советские законы.

– Ладно, – бурчит Максим, подбирая папку со стола, – цирковые представления будешь устраивать в другом месте. До встречи.

– Лучше прощайте, товарищ старший лейтенант, – любезно отвечаю я, – надеюсь, мы больше не увидимся.

* * *

Химия была последним уроком, и домой я мчался «на всех парах», отмахнувшись от вопросов одноклассников о причинах вызова к завучу и пообещав им рассказать об этом завтра. Мама взяла отгул в своем НИИ, чтобы утром встретить отца, и меня сжигало безумное желание поскорее увидеть его.

Открываю своим ключом дверь в квартиру. В прихожей меня встречает улыбающийся папа. Он уже переоделся в темно-синие спортивные брюки и белую трикотажную футболку. Из кухни выглядывает сияющая мама в переднике. Смотрю на отца. Помолодевшее на пятнадцать лет родное лицо, черные волосы, лишь тронутые сединой, прямая осанка с гордым разворотом широких плеч.

– Привет, пап, – стараюсь вести себя сдержанно. В нашей семье чересчур выражать свои эмоции не принято. Но мое лицо само по себе расплывается в широкой улыбке.

– Здравствуй, сынок, – крепкие руки отца обнимают меня, чуть колючая щека с легкой небритостью щекочет мой подбородок. Улавливаю горьковатый запах цитрусов, едва осязаемый сладко-древесный аромат сандала, нежные мускусные нотки амбры и легкую лесную дымку ветивера. Любимый папин одеколон «Дипломат». Вместе с флакончиками «Консула»

и маминой «Красной Москвой» он являлся неизменным обитателем полочек шкафа в ванной на протяжении многих лет.

Папа прижимает меня к себе и тут же отстраняет.

– Раздевайся, пошли чаю попьем, а мама нам пока поесть приготовит, – энергичным голосом командует отец.

Скидываю ботинки, вешаю куртку на плечики в шкафу и следую на кухню. Доносящиеся оттуда вкусные мясные запахи будоражат сознание, заставляя выделяться слюну.

Мама, повернувшись к нам спиной, хлопчет у плиты. На сковородке весело трещат отбивные с золотистой аппетитной корочкой. Пускает клубы пара в потолок кастрюля с макаронами, периодически помешиваемыми большой ложкой в руках родительницы.

– Рассказывай, как дела в школе, тренировки? – интересуется отец, разливая чай в кружки.

– Нормально все, – отвечаю я, – учусь, все идет своим чередом. Недавно с Семеновичем в паре стоял.

– И как успехи? – иронически усмехается папа. – Хоть раз по нему попал?

– Ага, один раз только и получилось, – улыбаюсь, вспоминая спарринг, – обманул его немножко, но он мне больше накидал.

– Это уже достижение. Молодец, – батина рука хлопает меня по плечу. – Игорь Семенович – мастер. Всю жизнь тренируется и как губка впитывает в себя знания различных систем рукопашного боя. Достать его даже в тренировочном бою очень непросто. Потом покажешь, как ты это сделал.

– Нет проблем, – хоть я и взрослый мужик в теле юноши, но похвала отца очень приятна.

– Еще и пятерки по английскому и НВП получил, – добавляет мама, пластая ножом батон.

Папа одобрительно смотрит на меня.

– Ну что сказать, молодец, сынок, – повторяет он – а чем на НВП отличился?

– «Калашников» разобрал и собрал, – скромно сообщаю я, – помнишь, ты мне еще пару лет назад, в гарнизоне были, показывал, как это делается? Я все запомнил. Потом освежил знания, и когда военрук меня вызвал, не облажался. Уложился в норматив.

– Раз такое дело, – улыбается довольный папа, – буду как в известной сказке «золотой рыбкой». Проси чего хочешь.

– У меня две просьбы. Первая – хочу на каникулы повидать деда, съездить к нему в Москву. Вторая – отдельный разговор. Есть один серьезный вопрос к тебе от Игоря Семеновича и меня. Требуется твоя помощь.

– Отец только приехал из командировки, – вмешивается в разговор недовольная родительница, – дай ему хоть немного отдохнуть и прийти в себя.

– Мам, я не против, – примирительно поднимаю вверх ладони, – папа спросил, я ответил.

– Подожди, Настя, – властно говорит отец. – Говори, Леша.

– Пап, я разговаривал с Игорем Семеновичем, – излагаю я, – есть идея открыть военно-патриотический клуб для комсомольцев. Поможешь?

– Постараюсь. А зачем вам это? – интересуется отец. – Уроков НВП не хватает?

– Пап, уроков НВП недостаточно, да и они не вызывают энтузиазма у многих. А вот дать ребятам ощутить, что такое армия, и почувствовать себя единой сплоченной и боевой командой – это другое. Ты спрашиваешь, зачем нам это? Во-первых, – начинаю загибать пальцы, – это патриотическое воспитание молодежи. Пусть почувствуют, что такое быть защитником Отечества, получают дополнительные практические умения по обращению с оружием, оказанию первой помощи, действий в различных боевых ситуациях. Не дай бог, что-то начнется, они уже будут подготовлены. Помнишь, дед рассказывал, как в первые месяцы Великой Отечественной много народу погибло, попало в плен или было покалечено именно потому, что люди были недостаточно готовы ни физически, ни психологически к такой мясорубке. Во-вторых, у ребят

появится дело, честное, красивое и благородное. Уметь защищать Родину – что может быть важнее для мужчины? В-третьих, все участники будут приучаться к дисциплине и ответственности. Согласись, это в жизни пригодится. В-четвертых, такие люди нужны нашей стране и партии. Сильные, смелые, способные повести за собой людей и не дрогнуть в критических ситуациях. Помнишь, как в песне: «если не я, то кто же»?

Отец задумчиво кивает.

– Леш, ты рассуждаешь, как зрелый мужчина, – глаза папы пристально смотрят на меня, – странно, ты как-то быстро вырос.

– Много читаю, работаю над собой. А вообще Игорь Семенович на меня хорошо влияет, – улыбаюсь, – мы с ним на эту тему уже разговаривали. Так как, сможешь?

Жду его ответа. После минуты молчания батя хлопает ладонью по столу.

– Хорошо, убедил. Что от меня требуется?

– Пап, чтобы это воплотить в жизнь, нужно не только наше желание. Потребуется санкция и поддержка властей. Скорее всего, обратимся к секретарю райкома комсомола. Нужно, чтобы он нормально к нам отнесся. Посоветуй, как это сделать красиво, чтобы к нам прислушались и дали «добро»?

Отец хорошо знает секретаря райкома партии Николая Яковлевича. Они дружат. Но я не буду прямо просить батю обратиться к нему. Он никогда не использует свои связи в личных целях. Они даже пару раз ссорились с мамой из-за этого. Если только заикнуться о подобном, можно серьезно «огрести». Но общественно-полезная инициатива, – дело другое. Хочу, чтобы папа самостоятельно пришел к мысли, что ее нужно поддержать. Тем более что он сам военный.

Отец молчит, задумался. Продолжаю атаку:

– Пап, если бы ты и другие офицеры поделились с ребятами опытом, было бы здорово. Рассказали об армии, провели практические занятия по физподготовке и стрельбе. Показали бы боевую технику, если, конечно, это возможно. Много сможет организовать Игорь Семенович, но и помощь других офицеров тоже необходима.

– Ладно, сынок, я понял. К деду съездишь, конечно. Они с бабушкой будут рады. И насчет клуба поможем, дело хорошее, стоящее, – папа на секунду замолкает, собираясь с мыслями. – Сделаем так...

К любому вопросу папа подходил основательно. Поэтому мы, под недовольное ворчание мамы, обсуждали все нюансы минут сорок. Договорились, что он позвонит Николаю Яковлевичу и поговорит с ним предварительно. Подаст эту инициативу как идею сослуживца, тем более что я отцу так и сказал. Попросит, чтобы секретарь райкома обратился к своему комсомольскому коллеге, чтобы тот уделил нам время. Мы с отцом обговорили и другие подробности. Он взялся организовать моему классу, а если получится и параллельному, экскурсию по нашей воинской части. Разумеется, этот вопрос еще надо было обговорить и утвердить с классным руководителем и директором. Разговором с отцом я остался очень доволен. Для запуска первой части моего плана все было готово. Осталось решить еще один важный момент: достать деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.